

ЖЕНСКІИ ВОПРОСЪ

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ ДЖОНА СТОАРТА МИЛЛА
„О ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ“.

Н. Страхова.

С.-Петербургъ.

Типографія Майкова, въ домѣ Министерства Финансовъ, на Дворц. площ.

1871.

ЖЕНСКІИ ВОПРОСЪ

РАЗБОРЪ СОЧИНЕНІЯ ДЖОНА СТУАРТА МИЛЛА
„О ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ“.

Н. Стрехова.

С.-Петербургъ.

Типографія Майсова, въ домѣ Министрства Финансовъ, на Дворц. площ.

1871.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 Марта 1871 года.

К Р И Т И К А.

ЖЕНСКІЙ ВОПРОСЪ.

ПОДЧИНЕННОСТЬ ЖЕНЩИНЫ, сочиненіе Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго, съ предисловіемъ Николая Михайловскаго, съ приложеніемъ писемъ О. Конта къ Д. С. Миллю, по женскому вопросу. С.-Петербургъ. Изданіе книгопродавца С. В. Звонарева. 1869.

О ПОДЧИНЕНІИ ЖЕНЩИНЫ, сочиненіе Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціею и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Историческіе женскіе типы. Статьи Іоганна Шерра. Переводъ съ нѣмецкаго. С.-Петербургъ. 1869.

I.

Наше печальное время очень любитъ всякаго рода вопросы. Возбудить, поднять, поставить вопросъ считается заслугою, нѣкоторымъ умственнымъ подвигомъ. Подвергать сомнѣнію существующія мнѣнія и установившіеся порядки признается дѣломъ не только позволительнымъ, но и похвальнымъ, какъ самая правильная и законная дѣятельность ума. Многіе притомъ увѣрены, что всѣ области человѣческой жизни такъ и кишатъ вопросами, что стоитъ только поумиѣе взяться за любой предметъ и онъ тотчасъ обратится въ вопросъ.

Какое странное направленіе умовъ! Давно уже замѣчено, что задавать вопросы легко, а отвѣчать на нихъ трудно; лица, занимающіяся фабрикаціею вопросовъ, очевидно берутъ на себя самую меньшую долю работы и предоставляютъ другимъ самую существенную и важную ея долю. Пословица говорить, что на вопросы одного дурака не сдумаютъ отвѣчать десять умниковъ. А во множествѣ случаевъ глупость есть непрѣмьное условіе для того, что-

бы могъ возникнуть вопросъ. Самое простое и ясное дѣло становится вопросомъ для того, кто или не въ силахъ его уразумѣть, или не считаетъ себя обязаннымъ напрягаться для его уразумѣнія. «Я ничего не понимаю!» кричитъ иная тупая голова; «объясните мнѣ то и это!» И вотъ готовы безчсленные вопросы, которые потому только и существуютъ, что есть множество глушхъ и самоувѣренныхъ людей, не могущихъ уразумѣть вещей самыхъ простыхъ и ясныхъ.

Но таково наше печальное время, что умственное движеніе, созданіе вопросовъ и господствующихъ мнѣній повидному вполне предоставлено людямъ тупымъ и глупымъ. Ничего предполагается, что каждый дуракъ имѣетъ право предлагать вопросы, и что умные обязаны отвѣчать ему. Такимъ образомъ умъ обращенъ въ слугу глупости и долженъ удовлетворять всѣмъ ея прихотямъ и капризамъ. Люди ничего не понимающіе гордо и смѣло заявляютъ свое непониманіе, какъ будто именно въ непониманіи заключается право возвышать голосъ и требовать всеобщаго вниманія; люди же хоть что-нибудь понимающіе обязаны смиренно представлять свои объясненія, и горе имъ, если тупоголовые предлагатели вопросовъ найдутъ эти объясненія недостаточно для себя вразумительными! Каждый изъ дураковъ считаетъ себя въ правѣ наложить свое veto на любое мнѣніе и ученіе, и не снимать этого veto до тѣхъ поръ, пока и его глупая голова не уразумѣетъ чего-нибудь въ этомъ дѣлѣ.

На это намъ замѣтятъ вѣроятно, что мы преувеличиваемъ и искажаемъ современное настроеніе умовъ. Можно, скажутъ намъ, дать всему этому движенію болѣе глубокой и правильной смыслъ. Вопросы, какъ выраженіе сомнѣнія, какъ стремленіе отдать себѣ отчетъ въ свопхъ мысляхъ и дѣйствіяхъ, есть неизбѣжный и правильный приемъ ума. Если нашъ вѣкъ продолжаетъ дѣло скептицизма и анализа, начатое прошлымъ вѣкомъ и даже гораздо раньше, то въ этомъ нельзя видѣть ничего дурнаго. Это признакъ того, что спящіе умы все больше и больше пробуждаются, что даже дураки начинаютъ мыслить, начинаютъ разсуждать и спрашивать. Причина обилія вопросовъ въ наше время не есть одна глупость и одно непониманіе, а напротивъ избытокъ ума, предлагающаго столь глубокіе запросы, заявляющаго столь высскія требованія, что ихъ не могутъ удовлетворить существующіе мнѣнія и порядки. Вопросы возникли и усилились именно потому, что отвѣты на нихъ давались все слабѣе и несостоятельнѣе. Партія вопрошающихъ

потому и получила такой побѣдный видъ, такую дерзость и развязность, что партія отвѣчающихъ все больше и больше робѣетъ, все меньше и меньше чувствуетъ въ себѣ силъ на отвѣты.

Положимъ такъ; тогда современное движеніе намъ слѣдуетъ разсматривать какъ *чистый скептицизмъ*, какъ выраженіе сомнѣнія, постепенно разрушающаго существующія убѣжденія, постепенно берущаго верхъ надъ увѣренностію въ старыхъ понятіяхъ.

Но справедливо-ли это? Справедливо-ли что нашъ вѣкъ болѣетъ сомнѣніемъ, а не чѣмъ нибудь другимъ, не какою-либо излишнею вѣрой? Сомнѣніе, дѣйствительное сомнѣніе есть чувство тяжелое и мрачное. Для человѣка, любящаго свѣтъ разума, сомнѣніе представляетъ мракъ и ужасъ. Въ жизни мысли сомнѣніе есть тоже самое, что отчаяніе въ жизни сердца. То ли мы видимъ въ полчищахъ современныхъ скептиковъ и создателей всякаго рода вопросовъ? Похожи-ли они на людей отчаявающихся? Очевидно нѣтъ. Они сіяютъ какой-то радостію, которая ясно показываетъ, что ими владѣетъ не печаль о потерянной истинѣ, а напротивъ твердая вѣра, крѣпкое убѣжденіе.

Эту вѣру легко назвать; это вѣра въ *человѣчскій разумъ*, вѣра слѣпая и фанатическая, какъ и многія другія вѣры. Эти скептики неизбежно вѣрують въ то, что разумъ человѣчскій можетъ все разрѣшить и все постигнуть, что для него нѣтъ тайнъ ни на землѣ, ни на небѣ. Эти скептики готовы во всемъ сомнѣваться только по тому, что въ одномъ они никогда не сомнѣваются,—въ силѣ своего собственнаго разума. Отъ того они такъ легкомысленно и дерзко ставятъ вопросъ за вопросомъ, возбуждаютъ сомнѣніе за сомнѣніемъ; имъ кажется, что чѣмъ скорѣе они это сдѣлаютъ, тѣмъ скорѣе они получатъ и отвѣты, разрѣшающіе эти вопросы и сомнѣнія. Такъ какъ собственный разумъ признается единственнымъ руководителемъ людей, единственною надежною вѣрою, то всѣмъ дается право спрашивать и всѣмъ внушается надежда, что они могутъ получить отвѣтъ, могутъ уразумѣть указанія своего единого божества. Вотъ почему и дураки, за исключеніемъ слишкомъ явныхъ идиотовъ, призваны къ этой новой утѣшительной вѣрѣ, подобно тому, какъ нѣкогда бѣдные, страждущіе и нищѣ духомъ получили обѣтованіе царствія небеснаго. Всѣмъ обѣщается, что они все уразумѣютъ, что имъ будутъ разрѣшены всякіе вопросы и разъяснены всякія недоумѣнія. Признается общее равенство по разуму, подобно тому, какъ нѣкогда было провозглашено общее братство по Христу. За всѣмъ признается право на разумъ, точно

также какъ нѣкогда за всѣми было признано право на высшее нравственное достоинство. Приводить-ли здѣсь возникшія отсюда декламациі противъ *аристократіи ума*, противъ слишкомъ трудныхъ наукъ, противъ умственныхъ занятій, требующихъ слишкомъ много времени и силъ? Такихъ декламаций можно множество найти въ западной литературѣ; наши новые отечественные писатели представляютъ тоже образчики, не уступающіе красотой своимъ образцамъ.

И такъ вотъ въ какомъ положеніи дѣло. Не скептицизмъ гнететъ и омрачаетъ современные умы, а ихъ воодушевляеиъ и возбуждаетъ новая пламенная вѣра. Отсюда-то такой азартъ, такая торопливость и жаръ въ этомъ умственномъ движеніи. Только одна слѣпая вѣра въ разумъ могла породить столько нелѣпостей, расшевелить самыя тупыя головы, развязать самыя мямлющія языки, и такимъ образомъ дать значительный перевѣсъ глупости надъ умомъ. Наперерывъ, въ перегонку, всѣ пустились предлагать и разрѣшать вопросы, твердо вѣруя, что они такимъ образомъ исполняютъ заповѣдь своего новаго божества, и что это божество незамедлительно обнаружитъ свое всеильное могущество. Послѣдній дуракъ возмечталъ, что онъ можетъ стать на ряду съ первыми умами человечества, и что глупости, приходящія ему въ голову, имѣютъ такое же право на существованіе, на обсужденіе и разбирательство, какъ и завѣтнѣйшія мысли великихъ философовъ и поэтовъ. Движеніе и развитіе литературы получило странный ходъ. Чѣмъ грубѣе и тупѣе писатель смотрѣлъ на вещи, чѣмъ меньше онъ проникалъ въ ихъ глубину, тѣмъ больше онъ находилъ себѣ послѣдователей, тѣмъ значительнѣе былъ его успѣхъ въ массѣ умовъ, вѣрующихъ въ свои силы, а между тѣмъ стоящихъ на степеняхъ самого низкаго и грубаго развитія. Такимъ образомъ вышло, что самое распространенное явленіе нынѣшняго умственнаго прогресса есть непониманіе вещей не только глубокихъ и трудныхъ, но даже самыхъ простыхъ и ясныхъ. Нынче господствуетъ не скептицизмъ,

простое тупоуміе; не высокія требованія и глубокіе запросы волнуютъ умы и истощаютъ ихъ силы въ безнадежно-трудныхъ изысканіяхъ, а напротивъ наибольшій ходъ имѣютъ самыя низменные взгляды, самыя общедоступныя и грубыя глупости.

Но намъ скажутъ опять, что мы преувеличиваемъ и клеветаемъ на разумъ. Разумъ, скажутъ намъ, сдержалъ или готовъ сдержать свои обѣщанія. Если современное настроеніе не заключаетъ въ себѣ отчаянія въ достиженіи истины, то это потому, что истина

дѣйствительно оказывается все болѣе и болѣе доступною человѣку. Несправедливо сказать, что въ наше время господствуетъ непониманіе и недоумѣніе: вопросы, возникающіе изъ сомнѣнія въ прежнихъ ученіяхъ и порядкахъ, не остаются на степени вопросовъ, а постепенно получаютъ новое, болѣе удовлетворительное рѣшеніе. Нашъ вѣкъ не вѣкъ скептицизма, а вѣкъ положительныхъ, твердыхъ знаній, понемногу вытѣсняющихъ прежнія шаткія и фантастическія понятія. Перевѣсъ принадлежитъ теперь не глупости, а истинамъ очевиднымъ, доступнымъ повѣркѣ каждаго и потому не составляющимъ привадежности немногихъ избранныхъ умовъ, а дѣлающихся собственностію массы, убѣжденіемъ каждаго сколько-нибудь не чуждаго просвѣщенію человѣка.

Такъ конечно скажутъ поборники современнаго прогресса; они очевидно люди, исполненные самыхъ радужныхъ надеждъ и самой пламенной вѣры, а вовсе не унылые скептики, измученные трудными вопросами.

Если такъ, то посмотримъ же, какъ они рѣшаютъ свои вопросы; взглянемъ на ту широкую дорогу къ истинѣ, которую они повидимому вполне открыли и очистили, такъ что по ней теперь стремятся цѣлыя толпы безъ различія степеней умственной зрѣлости. Какія истины получаютъ въ наше время все больше и больше ходу? Какія новыя рѣшенія получились для старыхъ вопросовъ? Въ чемъ состоитъ новая мудрость?

Сущность этой мудрости уже такъ ясно обнаружилась, такъ отчетливо проявилась, что ее можно выразить въ немногихъ и совершенно опредѣленныхъ словахъ. Новое рѣшеніе стародавнихъ вопросовъ, то смѣло высказываемое, какъ уже вполне добытое, то предлагаемое въ видѣ отгадки и скоро имѣющей сбыться надежды, заключается въ слѣдующемъ:

Между Богомъ и природою нѣтъ разницы. Богъ есть природа, олицетворенная человѣческою фантазіей.

Между духомъ и матеріею нѣтъ разницы. Духъ есть нѣкоторая дѣятельность матеріи.

Между организмами и мертвыми тѣлами нѣтъ разницы. Организмы суть созданія физическихъ и химическихъ силъ.

Между животными и растеніями нѣтъ разницы. Чувствительность и такъ называемое произвольное движеніе суть явленія рефлексовъ, совершающихся механически.

Между человѣкомъ и животными нѣтъ различія. Душевные явленія человѣка совершаются точно также какъ и у животныхъ.

Между душою и тѣломъ нѣтъ различія. Душа есть нѣкоторая дѣятельность тѣла.

Между мужчиною и женщиною нѣтъ различія. Женщина есть какъ бы безбородый мужчина мепшаго роста, чѣмъ обыкновенно бываютъ мужчины.

Между нравственностію и стремленіемъ къ счастію нѣтъ различія. Нравственно то, что ведетъ къ человѣческому благополучію.

Между прекраснымъ и полезнымъ нѣтъ различія. Прекрасно только то, что ведетъ къ нѣкоторой пользѣ.

Между искусствомъ и наукою нѣтъ различія. Искусство есть только особая форма для популяризаціи истинъ науки.

Продолжать ли этотъ списокъ новѣйшихъ истинъ, этотъ перечень блистательныхъ открытій, которыми новое время озаряетъ намъ глубочайшую природу и сущность вещей? Мы могли бы, если бы захотѣли, тянуть этотъ перечень сколько угодно, ибо міръ природы и міръ человѣка весьма разнообразны, кажутся ни одной черты этого разнообразія, въ которой бы не сумкнулось наше мудрое время. Вся совокупность человѣческихъ отношеній, всѣ эпохи исторіи съ ея незапамятныхъ временъ были подвергнуты дѣйствию современнаго анализа, и этотъ анализъ всездѣ увидѣлъ одно и то же, ни въ чемъ не нашелъ никакого различія и порѣшилъ, что дѣйствія человѣческія всегда имѣютъ одинъ и тотъ же смыслъ, одни и тѣ же побужденія. Точно такъ всѣ явленія природы, отъ паденія камня до развитія прекраснѣйшихъ человѣческихъ формъ,—сведены новою наукою къ одному,—къ движенію атомовъ, безконечно притягивающихся, отталкивающихся, вращающихся, зыблющихся и такимъ образомъ составляющихъ ту безмѣрную и однообразную толчею, тотъ нескончаемый, безцѣльный, сѣрый вихорь, который мы называемъ мірозданіемъ. Все однообразно, все равно одно другому, все имѣетъ одинъ и тотъ же источникъ, одну и ту же сущность, одну и ту же цѣль—таково глубочайшее рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, къ которому все ближе и ближе приходитъ наше время и которое оно считаетъ своимъ лучшимъ умственнымъ достояніемъ.

Читатели на этотъ разъ вѣроятно согласятся, что мы не преувеличиваемъ, что таковъ именно характеръ современной популярной философіи, приобретающей все большую и большую силу. Эта философія не многосложна, не трудна и не туманна, въ противность обыкновенному мнѣнію о всякаго рода философіи. Стоитъ назвать эту новую мудрость и всѣ ее узнать.

Но какой же смыслъ въ этихъ простыхъ положеніяхъ? Какое ра-

зумѣніе вещей въ нихъ содержитсяъ? Если судить по самымъ вещамъ, то никакого. Ибо каковы бы ни были вещи сами въ себѣ, познаніе во всякомъ случаѣ должно состоять въ томъ, чтобы эти вещи были различены между собою, чтобы найдено было ихъ взаимное разграниченіе, тотъ порядокъ, по которому онѣ не смѣшваются между собою, чтобы открыто было то единственное значеніе, которое принадлежитъ каждой познаваемой вещи и которое никакой другой принадлежать не можетъ. Мудрость, по самому простому опредѣленію, состоитъ въ томъ, чтобы знать *цѣну* вещамъ, то есть знать ихъ относительное достоинство, ихъ степень и мѣсто въ мірозданіи, а слѣдовательно и ту степень и то мѣсто, которое они должны занимать въ нашихъ желаніяхъ и нашей любознательности. Таково старинное понятіе о мудрости, и едва ли его придется измѣнить. По этому понятію не тотъ мудръ, кто не видитъ никакой разницы между человѣкомъ и животными, а напротивъ тотъ, кто ясно и откровенно понимаетъ, чѣмъ человѣкъ возвышается надъ животными, кто знаетъ цѣну постоянно-человѣческихъ мыслей и дѣйствій; не тотъ мудръ, кто о женщинахъ судитъ точно также какъ о мужчинахъ, а тотъ, кто съ величайшею тонкостію понимаетъ своеобразныя черты какъ женской такъ и мужской природы. Тоже самое нужно сказать и обо всемъ остальномъ. Въ каждой вещи нужно уметь различать существенное отъ случайнаго, важное отъ маловажнаго, духъ и содержаніе отъ формы и внѣшности; а въ совокупности вещей нужно видѣть ихъ іерархію, находить тѣ центры, около которыхъ вращается мірозданіе, и уметь съ точностію опредѣлять разстояніе, въ которомъ каждая вещь находится отъ этихъ центровъ и котораго по самой сущности своей она измѣнить не можетъ. Какъ *видѣть* значитъ различать предметы въ пространствѣ, по цвѣту, величинѣ, формѣ и разстоянію, такъ и *разумѣть* значитъ распредѣлять вещи въ умѣ по ихъ качеству, достоинству, сущности и важности. Знать что-нибудь значитъ уметь отличать знаемую вещь отъ всѣхъ другихъ вещей. И слѣдовательно новая мудрость, утверждающая, что для нея вещи другъ отъ друга не различаются, тѣмъ самымъ утверждаетъ, что она ничего о нихъ не знаетъ, что она отрывается отъ познанія, что она забыла или потеряла то первое вѣденіе, которое по священнымъ сказаніямъ получилъ первый человѣкъ и которое состояло тоже въ умѣннн различать, именно различать доброе отъ злого.

И такъ не далеко же подвинулись мы въ разрѣшеніи всякаго рода вопросовъ, и не очень блистательныя результаты, получившіяся

Ж. Заря. кн. 2. Отд. II. 1870.

отъ нашего служенія разуму, отъ предоставленія ему полной свободы, отъ вѣры, по которой поплонники этого божества думали, что они до всего могутъ дойти собственнымъ умомъ. До чего мы дошли? Мы вернулись къ исходной точкѣ всякаго мышленія и познанія; мы на всевозможные лады твердимъ одно: мы ничего незнаемъ, мы не умѣемъ находить различія между вещами, для насъ весь міръ сливается еще въ однообразную массу, въ которой мы еще не умѣемъ разглядѣть ни единой черты гармоніи и порядка!

При томъ—какое нелѣпое положеніе! Предаваясь умствованіямъ и разглагольствіямъ, которыхъ существенный смыслъ есть исповѣданіе невѣденія, эти люди однако же твердо увѣрены, что они владѣютъ цѣлыми сокровищами истины. Они бродятъ въ густѣйшихъ потемкахъ, а воображаютъ, что ихъ окружаетъ свѣтъ, и что даже сами они носители этого свѣта. Къ такому странному ослѣпленію привела вѣра въ разумъ. Если перевѣсь въ вынѣшнемъ умственномъ движеніи принадлежитъ не глупцамъ, то во всякомъ случаѣ онъ достался на долю слѣпцовъ, на долю людей съ тупымъ и близорукимъ зрѣніемъ, для которыхъ весь міръ обратился въ сѣрый хаосъ, и которые всѣмъ хоромъ стали увѣрять, что разнообразіе, красота и стройность міра есть ложь и выдумка коварныхъ хитрецовъ, желающихъ захватить власть надъ ними, слѣпцами, и что въ сущности, какъ въ этомъ легко убѣдится каждый слѣпецъ собственнымъ опытомъ, всѣ вещи имѣютъ сѣрый цвѣтъ или даже вовсе не имѣютъ никакаго цвѣта.

И такъ, если мы хотимъ усмотрѣть разумный и законный смыслъ въ современномъ умственномъ движеніи, то никакъ не должны толковать его въ положительную сторону, видѣть въ немъ прогрессъ познанія. Единственный правильный смыслъ его — *отрицательный*; единственная разумная рѣчь современнаго мудреца была бы такого рода: я не знаю различія между вещами и не берусь его указать; но я убѣдился, что то различіе, которое признавалось прежними понятіями, несправедливо, несостоятельно. Я не умѣю рѣшать вопросовъ, но нахожу, что существующее ихъ рѣшеніе негодится. Напримѣръ, я не знаю, въ чемъ заключается разница между человѣкомъ и животными, но меня не удовлетворяетъ то объясненіе, что у животныхъ не достаетъ особой сущности, души, которая есть у человѣка. Я не знаю, въ чемъ состоитъ тайна психическихъ явленій, но не нахожу, чтобы признаніе существованія въ тѣлѣ особаго духовнаго начала было ихъ дѣйствительнымъ объясненіемъ. Словомъ я не отвергаю различій, о которыхъ не знаю

и не могу судить, а отвергаю только тѣ объясненія этихъ различій, какія были сдѣланы до сихъ поръ. Если я иногда выражаюсь такъ, какъ будто для меня не существуетъ никакихъ различій между вещами, то это не имѣетъ того нелѣпаго смысла, будто между ними дѣйствительно нѣтъ различія, а только тотъ чисто субъективный и весьма дозволительный смыслъ, что я самъ не имѣю еще основаній, чтобы твердо и ясно судить объ этихъ различіяхъ, и что существующія до сихъ поръ основанія для такихъ сужденій меня не удовлетворяютъ.

Вотъ единственный разумный смыслъ, который имѣетъ современная популярная философія. Этотъ смыслъ заключается не въ новыхъ взглядахъ, не въ расширеніи познаній, не въ лучшемъ, болѣе свѣтломъ и общедоступномъ постиженіи вещей, а въ *чистомъ скептицизмѣ*, который, какъ мы уже замѣтили, всегда законенъ, если представляетъ правильное стремленіе ума отдать себѣ отчетъ въ своихъ сужденіяхъ. Было бы великою нелѣпостію съ нашей стороны, если бы мы упустили изъ виду эту законную сторону современнаго умственнаго движенія; но въ то же время мы бы очень дурно понимали это движеніе, если бы вообразили, что здравый скептицизмъ составляетъ его душу. Его истинныя двигательныя силы—общераспространенная тупость пониманія, вѣра въ собственный разумъ и самообольщеніе познаніями, которыя подъ видомъ лучшаго постиженія вещей содержатъ въ себѣ отрицаніе всякаго ихъ познанія.

Предъидущимъ небольшимъ разсужденіемъ мы приготовили себѣ нѣкоторыя твердыя точки для сужденій о явленіяхъ нынѣшней популярной философіи. Эти точки—слѣдующія:

1. Новая философія не содержитъ въ себѣ никакого рѣшенія вопросовъ, которыми она занимается. Относительно каждаго такого вопроса можно доказать, что онъ несмотря на всѣ толки этой философіи сохраняетъ всю свою глубину и загадочность.

2. Самая глупая черта новой философіи заключается въ убѣжденіи, что она имѣетъ силу разрѣшать вопросы. Всего нелѣпѣе тѣ писатели и тѣ сочиненія, которыя провозглашаютъ, какъ новое открытіе и рѣшеніе, что между предметами, входящими въ вопросъ, нѣтъ никакого различія.

3. Всего умнѣе тѣ писатели и тѣ сочиненія, которыя всего ближе держатся скептицизма, и слѣдовательно какъ можно меньше покушаются на рѣшеніе вопросовъ.

А впрочемъ и все, вмѣстѣ взятое, т. е. и вопросъ, и новое рѣ-

шеніе, и самое сомнѣніе въ прежнемъ рѣшеніи можетъ оказаться сплошнымъ вздоромъ, силошною глупостію. Этаго никакъ не должно упускать изъ виду, если мы не желаемъ впасть въ глубокую ошибку, именно приписать болѣзненному и фальшивому броженію мыслей важность дѣйствительнаго философскаго движенія. Сомнѣніе въ вещахъ очевидныхъ (?) сильно затрогивающихъ умъ и сердце, собственно несравненно нелѣпѣе, чѣмъ признаніе извѣстныхъ взглядовъ на эти вещи, положимъ взглядовъ одностороннихъ и грубыхъ, но все-таки дающихъ нѣкоторый отвѣтъ на то, на что отвѣтъ непремѣнно требуется и непремѣнно существуетъ. Понятно и извинительно, если человѣкъ увлекается подобіемъ истины и красоты; но какое извиненіе принскать для того, кто глухъ на всякіе доводы и не понимаетъ вещей, которыя должны бы громко говорить въ душѣ каждаго? Есть случаи, когда незнаніемъ и непониманіемъ отговариваться невозможно, когда сомнѣніе оказывается не стремленіемъ углубиться въ вопросъ, а слѣпотою ума и глухотою сердца.

Вотъ точки зрѣнія, съ которыхъ, какъ мы думаемъ, слѣдуетъ разсматривать *женскій вопросъ*, какъ и многіе другіе современные вопросы. Послѣдняя книжка Милля, какъ и всѣ его другія произведенія, очень удобно подводится подъ эти точки зрѣнія.

II.

Женскій вопросъ есть вопросъ весьма легкій, конечно не самъ по себѣ, не по сущности тѣхъ вещей, которыя входятъ въ него, а по тому виду, въ какомъ этотъ вопросъ существуетъ въ современной литературѣ, по малосодержательности и легкости тѣхъ разсужденій, которыя къ нему относятся. Контрастъ между дѣйствительною сущностію дѣла и между постановкою его у нынѣшнихъ популярныя философовъ такъ великъ, что рѣзко и ясно бросается въ глаза. Вотъ почему мы не побоялись взять на свою отвѣтственность нѣсколько простыхъ замѣчаній, которыя намѣрены предложить читателямъ.

Дѣло наше будетъ не трудное. Мы не пишемъ трактата о различіи между мужчинами и женщинами; мы не имѣемъ ни нужды ни обязанности правильно и ясно формулировать самый вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь (задача вовсе не легкая, какъ то извѣстно всякому серьезно-мыслившему человѣку); мы обязаны только точно анализировать нѣкоторыя мнѣнія объ этомъ вопросѣ, ту постановку,

которую ему даютъ современные мыслители, и намъ кажется, что эта новая мудрость вовсе не требуетъ для своего постиженія большихъ усилій.

Весь смыслъ книжки Милля, ея главное положеніе, къ которому сводится всё остальныя разсужденія, заключается въ слѣдующихъ словахъ:

„Никто въ настоящее время не имѣетъ права утверждать даже, что есть *какая-нибудь разница* между обоими полами, разсматриваемыми какъ разумныя и нравственныя существа“. (*Подч. женщ.* стр. 56).

Вотъ полная формулировка женскаго вопроса по Миллю. Вотъ та истина, которую онъ считаетъ вполне доказанною, вполне несомнѣнною. Всё другія свои разсужденія онъ выдаетъ только за догадки и предположенія, но это положеніе имѣетъ въ его глазахъ совершенную достовѣрность.

Сдѣлаемъ нѣкоторыя необходимыя поясненія.

Милль—скептикъ по самой сущности своего ума; въ скептицизмѣ заключается единственная важность, которую имѣютъ его труды; скептицизмъ дѣлаетъ его умнѣйшимъ изъ современныхъ популярныхъ мыслителей. Но къ великому сожалѣнію онъ самъ не знаетъ, въ чемъ заключается его сильная сторона, онъ преспокойно воображаетъ, что обладаетъ орудіями для добыванія положительныхъ результатовъ и потому постоянно пытается не только ставить вопросы, но и рѣшать ихъ. Въ сущности *Система Логикъ*, которую онъ написалъ, есть наука не о томъ, какъ познавать вещи, а о томъ, какъ сомнѣваться въ вещахъ и ихъ познаніи. Въ основѣ этой книги лежитъ *отрицаніе мысленія*, какъ силы способной къ познанію. Съ замѣчательною послѣдовательностію Милль проводитъ свой анализъ по всемъ приемамъ мышленія и въ каждомъ изъ нихъ отрицаетъ тотъ элементъ, который дѣлаетъ изъ этого приема орудіе познанія. Если бы Милль твердо держался этой точки зрѣнія, и если бы самый его скептицизмъ былъ чѣмъ либо новымъ, а не составлялъ прямого продолженія и развитія скептицизма Давида Юма, то Милль былъ бы очень важнымъ философскимъ явленіемъ. Въ настоящей же своей дѣятельности Милль представляетъ только интересный примѣръ чловѣка непослѣдовательнаго, который стремится согласовать съ своимъ скептицизмомъ разныя положительныя истины, любезныя ему совершенно независимо отъ его философскихъ взглядовъ.

Какъ бы то ни было, въ женскомъ вопросѣ Милль оказался скеп-

тикомъ и придумалъ для этого вопроса умнѣйшую формулу, какую этотъ вопросъ допускаетъ, а именно, что до сихъ поръ будто бы мы не знаемъ между мужчинами и женщинами, какъ разумными и нравственными существами, никакой разницы.

Точный смыслъ этихъ словъ вотъ какой: Милль допускаетъ, что существуетъ физическая разница между людьми того и другого пола; но относительно умственныхъ способностей и нравственныхъ качествъ онъ утверждаетъ, что мы ничего достовѣрнаго не знаемъ. Въ этомъ отношеніи вопросъ: *въ чемъ состоитъ естественное различіе половъ?* онъ считаетъ *труднѣйшимъ изъ вопросовъ*, (стр. 55) и полагаетъ, что „никто до сихъ поръ не имѣетъ права заявлять положительное мнѣніе объ этомъ предметѣ“ (стр. 56).

Такова самая умная постановка вопроса; легко видѣть однакоже какъ она ведетъ къ самой глупой. Милль дѣлаетъ нѣкоторыя недурныя замѣчанія съ цѣлью показать, какъ шалки, неясны, а иногда и неправильны тѣ различія между двумя полами въ умственномъ и сердечномъ отношеніи, которыя обыкновенно указываются. По-нятнo, что на эту тему можно наговорить не мало умныхъ вещей. Самое остроумное и глубокомысленное изложеніе различія между данными предметами все еще допускаетъ поправку, возраженіе, поясненіе. Но бѣда въ томъ, что главная цѣль при этомъ у Милля вовсе не состоитъ въ скептической провѣркѣ существующихъ мнѣній; тайная его мысль заключается въ положительномъ признаніи, что нѣтъ никакой разницы между умомъ и сердцемъ мужчины и умомъ и сердцемъ женщины. Свой скептицизмъ Милль употребляетъ не какъ орудіе для достиженія истины, какова бы она ни была, а какъ средство достигнуть заранѣе предположенной цѣли. Онъ заявляетъ, хотя въ видѣ догадки и предположенія, что вѣроятно „не обнаружится никакихъ врожденныхъ стремленій, отличающихъ женскій умъ (*также точно, конечно, и нравственный женскій складъ*) отъ мужскаго“ (стр. 180).

Вотъ это есть уже совершенная нелѣпость, это тѣ глупое рѣшеніе женскаго вопроса, которое стало ходячимъ мнѣніемъ, пришлось по плечу новѣйшимъ просвѣщеннымъ людямъ—и составляетъ одну изъ побѣдъ тупоумія надъ разумнымъ пониманіемъ вещей. Какъ скептикъ, Милль конечно имѣлъ право на самыя нелѣпыя предположенія; но въ томъ и бѣда, что онъ плохой скептикъ, и ему дорого не право отрицать извѣстную истину, а право поставить на ея мѣсто одну изъ нелѣпостей, вытекающихъ изъ ея отрицанія. Кто сомнѣвается въ томъ, что земля кругла, тотъ можетъ конечно ска-

зять: можетъ быть она имѣетъ видъ куба, или цилиндра или треугольной шляпы; истинный скептикъ нарочно придумываетъ нелѣпное предположеніе, чтобы тѣмъ показать, какъ далеки мы отъ средствъ узнать истину. Но скептикъ, предлагающій возраженія противъ круглоты земли и питающій въ тоже время тайную мысль доказать, что земля имѣетъ видъ треугольной шляпы, есть очевидно не скептикъ, а жалчайшій фантазёръ. И въ такомъ положеніи находится Милль, такъ что если бы мы не знали его добросовѣстности и дѣйствительнаго скептическаго настроенія его ума, то могли бы подумать, что самый скептицизмъ его напущенъ имъ на себя ради предвзятыхъ цѣлей.

Милль допускаетъ физическое различіе между мужчиною и женщиною; еще бы онъ рѣшился его отвергать! Но онъ сомнѣвается въ существованіи нравственнаго и умственнаго различія; по какому же праву?

Вообще говоря, это различіе непременно должно существовать, и сомнѣваться въ немъ нельзя уже а priori, въ силу чистыхъ логическихъ требованій. Ибо этого различія необходимо требуетъ уже то понятіе, что женщина и мужчина суть различные организмы; относительно органическихъ явленій имѣетъ силу правдо: каждая часть и каждое явленіе организма имѣютъ на себѣ особый отпечатокъ, отражаютъ на себѣ особенность цѣлаго. Въ организмѣ все связано, все находится во взаимной зависимости и гармоніи. Увидѣвъ двухъ человѣкъ ходящихъ на подставныхъ ногахъ, я могу конечно предположить, что не смотря на все различіе этихъ людей, ихъ подставныя ноги состоятъ изъ того же матеріала, имѣютъ совершенно одинаговую крѣпость и форму; но относительно живыхъ ногъ двухъ различныхъ людей я напередъ заключаю, что они различны на столько же, на сколько различно и остальное тѣло. Психическій строй человѣка имѣетъ строгую параллельность съ его физическимъ строемъ. Тѣло есть оболочка души и различіе въ тѣлесномъ устройствѣ непременно влечетъ за собою различіе душевныхъ способностей. Если опытный анатомъ съ перваго взгляда отличаетъ женскую кость отъ мужской, если самые ненаблюдательные люди умѣютъ отличить женскій почеркъ отъ мужского, то какъ же сомнѣваться въ томъ, что и во всѣхъ психическихъ отправленияхъ существуетъ подобная же разница?

Давно уже мы привыкли судить по этимъ категоріямъ, заранѣе признавать всестороннее различіе между вещами, имѣющими характеръ организмовъ. Если дѣло идетъ о различныхъ историче

скихъ эпохахъ, о различныхъ человѣческихъ племенахъ, о различныхъ народахъ и даже о мелкихъ подраздѣленіяхъ каждаго народа, вездѣ мы привыкли предполагать особый умственный и нравственный складъ, отличающій каждую группу человѣческаго рода и каждую степень развитія этой группы отъ другихъ степеней и группъ. Точно также, рассматривая языки, искусства, философскія системы, религіи, государственные и общественные строи, мы всегда полагаемъ между ними органическую разницу, то есть разницу простирающуюся на всѣ части рассматриваемаго явленія. И это не какія-нибудь гипотезы и мечтанія, а простыя требованія науки. Натуралистъ считаетъ непремѣнною и прямою обязанностію науки разрѣшать такія задачи: по одной части организма опредѣлить всѣ остальные его части. И были случаи, когда, напримѣръ, Кювье по одной кости животнаго дѣйствительно составлялъ заключенія объ особенностяхъ всего его остального тѣла. Такъ точно для антрополога существуетъ слѣдующая точная и строгая научная задача: по данному органическому различію между мужчинами и женщинами — опредѣлить всѣ другія ихъ различія, какъ въ тѣлесномъ устройствѣ, такъ и въ психическихъ отправленияхъ. Связь непремѣнно должна быть, хотя бы мы въ настоящую минуту не умѣли указать ни единой ея черты.

Эти логическія требованія столь неизбежны, столь мало произвольны, что волею или неволею и Милль долженъ былъ имъ покориться. Но, идя по единственному возможному пути, Милль, какъ и подобаетъ скептику, упирается на каждомъ шагѣ — (что конечно весьма простительно), и сверхъ того безпрестанно сбивается на свою предвзятую мысль — что уже вовсе непростительно, по крайней мѣрѣ съ точки зрѣнія логики.

Все различіе, которое нынѣ существуетъ между мужчинами и женщинами и которое Милль называетъ *вромадныль* (стр. 38), онъ выводитъ изъ разницы въ физической силѣ. Мужчина будучи сильнѣе женщины, поставилъ ее въ подчиненное положеніе, и вслѣдствіе этаго подчиненнаго положенія развились всѣ тѣ особенности, которыя теперь отличаютъ женщинъ отъ мужчинъ.

Такъ какъ мы привыкли думать, что вообще исторія управляется нравственными идеями, что отношенія между людьми зависятъ отъ нѣкоторыхъ понятій о правахъ и обязанностяхъ, то Милль, для доказательства своей темы, старается опровергнуть подобные взгляды на исторію.

„Если люди“, говоритъ онъ, «по большей части пребываютъ въ

такимъ невѣденіи о томъ, до какой степени, съ самаго существованія нашего рода, *право сильнѣйшаго было единственнымъ общепризнаннымъ*, а всякій другой законъ былъ исключеніемъ и послѣдствіемъ особыхъ отношеній, и какъ недавно еще общественные порядки стали управляться, даже номинально, какимъ-нибудь чисто нравственнымъ закономъ, то конечно не понимаютъ и не соображаютъ того, какимъ образомъ учрежденія и обычаи, никогда не имѣвшіе другого основанія, кромѣ права сильнѣйшаго, могутъ держаться въ такихъ вѣкахъ и при такомъ состояніи общественнаго миѣнія, которыя никогда не допустили бы имъ заново учредиться» (стр. 21).

Таковъ взглядъ Милля на всеобщую исторію. Нравственные начала вошли въ эту исторію только *очень недавно*, а до этого недавняго времени она *исключительно управлялась закономъ превосходства силы* (стр. 16). Въ доказательство Милль ссылается на разные историческіе факты, между прочимъ на то, что и до сихъ поръ существуетъ въ Европѣ абсолютная монархическая власть, которая будто бы есть ничто иное, какъ военный деспотизмъ, не имѣющій никакого оправданія въ нравственной натурѣ чловѣка.

Если вся исторія основана на законѣ превосходства силы, то понятно, что и положеніе женщины опредѣлялось этимъ же закономъ, а не нравственною природою женщины. Эта природа не только не была основаніемъ общественнаго положенія женщины, но до сихъ поръ остается совершенно неизвѣстною, такъ какъ была совершенно заслонена разницею физическихъ силъ. Этого мало; въ настоящее время природа женщины совершенно *искажена* ненормальнымъ ея положеніемъ, и достигнуть познанія естественныхъ свойствъ женщины можно не иначе, какъ послѣ новыхъ долгихъ опытовъ, послѣ преобразованія всей нашей жизни.

«Становясь на почву здраваго смысла, говорить Милль, и основываясь на устройствѣ чловѣческаго ума (вѣроятно *души*) я *отрицаю, чтобы ктонибудь зналъ или могъ знать природу обоихъ половъ до тѣхъ поръ*, пока ихъ видѣли только въ ихъ настоящемъ положеніи въ отношеніи другъ къ другу. Еслибы когда-нибудь существовало общество мужчинъ безъ женщинъ или женщинъ безъ мужчинъ, или существовало бы общество мужчинъ и женщинъ, въ которомъ женщины не были бы подвластны мужчинамъ,—тогда можно было бы узнать что-нибудь положительное насчетъ умственныхъ и нравственныхъ различій, *можетъ быть врожденныхъ каждому полу*. То, что теперь называется природою женщины—вообще

въ высшей степени искусственный результат принудительного стѣсненія въ нѣкоторыхъ направленіяхъ, неестественнаго подстрекательства въ другихъ. Можно не задумываясь утвердительно сказать, что ни у одного другого сословія зависящихъ лицъ характеръ не былъ до такой степени искаженъ и отклоненъ *отъ своего естественнаго развитія*. (стр. 52).

И такъ Милль допускаетъ, что *можетъ быть* есть различія, врожденные поломъ и могущія получить естественное развитіе; но говорить, что мы этихъ различій не знаемъ, и что ихъ развитіе совершенно искажено. Чтобы добыть познаніе объ естественномъ различіи между полами, намъ остается одно средство — изучать его искаженіе и уклоненіе. Милль неоднократно и упорно указываетъ на существованіе особой науки, особаго отдѣла психологін, который одинъ можетъ насъ просвѣтить въ этомъ случаѣ. Это—*наука о развитіи характера*. Только углубившись въ эту науку мы будемъ въ состояніи судить, какія различія между полами естественныя, и какія искусственныя. Но къ величайшему сожалѣнію и самая наука эта еще совершенно неразработана, находится такъ сказать въ одномъ предположеніи.

«Изъ всѣхъ трудностей, говоритъ Милль, препятствующихъ прогрессу мысли и развитію на здоровыхъ основаніяхъ мнѣній о жизни и общественныхъ порядкахъ, величайшая въ настоящее время заключается *въ неизрѣченномъ невѣжествѣ и невнимательности человечества относительно вліяній, развивающихся человеческій характеръ*» (стр. 54).

Поэтому разрѣшеніе женскаго вопроса путемъ чисто теоретическимъ, посредствомъ изученія исторіи, поэзіи, психологін и т. д. до сихъ поръ совершенно невозможно. Таковъ главный выводъ Милля, котораго онъ строго держится.]

«Естественными, говоритъ онъ, можно считать только тѣ различія, которыя никакимъ образомъ не могутъ быть искусственны, т. е. которыя остаются по устраненіи каждой особенности того или другого пола, могущей быть объясненной воспитаніемъ или внѣшними обстоятельствами. *Нужно глубочайшее знаніе законовъ развитія характера*, чтобы имѣть право утверждать, что есть *какая нибудь* разница, тѣмъ болѣе, *въ чемъ* разница между обоими полами, смотря на нихъ какъ на разумныя и нравственныя существа. А такъ какъ никто еще не имѣетъ этого знанія (потому что нѣтъ предмета, который, въ сравненіи съ его важностію, такъ мало изучался), то *никто до сихъ поръ не имѣетъ права заявлять по-*

ложительное мнѣніе объ этомъ предметѣ. Можно дѣлать догадки — больше ничего. (стр. 56).]

Вотъ скептическій взглядъ на дѣло, вполне характеризующій приемы мышленія Милля. Если строго держаться такого взгляда, то отсюда можно пожалуй вывести, что женщины въ настоящее время гораздо лучше, чѣмъ ихъ создала природа; по крайней мѣрѣ можно утверждать, что этого никто еще не имѣетъ права отрицать.

Нѣкоторые догадки Милля, относящіяся въ новой наукѣ о развитіи характера, даютъ намъ полную возможность думать, что женщины, въ настоящее время, гораздо выше мужчинъ. Напримѣръ Милль вообще говоритъ:

«Порабощеніе тамъ, гдѣ оно не окончательно обращаетъ поработанныхъ въ подобіе скотовъ, хотя и тлетворно дѣйствуетъ на нравственность обѣихъ сторонъ, однако *меньше* развращаетъ рабовъ, чѣмъ рабовладѣльцевъ. Для нравственной натуры челоуѣка *здоровѣе* быть обуздану, чѣмъ имѣть возможность самому пользоваться неограниченною произвольною властію».

Изъ этого слѣдуетъ, что женщины во все теченіе исторіи развивались въ болѣе здоровыхъ, менѣе развращающихъ условіяхъ, чѣмъ мужчины и слѣдовательно, теперь, стоятъ выше мужчинъ. Выводъ этотъ относится къ нравственной сторонѣ, но и относительно умственной стороны можно сдѣлать подобную же догадку. Отчего не предположить, что исторія исказила мужской умъ въ несравненно большей степени, чѣмъ она исказила умъ женскій? Предразсудки, и дикія уклоненія отъ истины, наполняющія собою исторію, принадлежать преимущественно мужчинамъ; почему не предположить, что женщины именно потому, что всегда были менѣе пропитаны ложною мудростію, сохранили болѣе здоровые умственные инстинкты, болѣе ясный и естественный взглядъ на вещи?

Но Милль не простираетъ своего скептицизма такъ далеко. Рувководимый своею тайною мыслью, онъ дѣлаетъ догадки совершенно въ другую сторону. Онъ предполагаетъ, что въ теченіи исторіи женская натура не улучшалась, а напротивъ становилась все хуже и хуже. Съ глубокою вѣрою въ превосходство мужской натуры, — вѣрою весьма неизвинительною для такого крайняго скептика, — Милль почитаетъ недостаткомъ женщинъ все то, чѣмъ онѣ отличаются отъ мужчинъ. Для ясности приведемъ два существенныхъ пункта.

Извѣстно, что женское сердце—есть лучшая красота женскаго

существа, что мужчины не могут равняться съ женщинами въ достоинствахъ сердечныхъ чувствъ. Милль видитъ въ этомъ только дурное вліяніе власти мужчинъ.

«Мужчины», пишетъ онъ, «требуютъ отъ женщины не только, чтобы она ему повиновалась, но еще, чтобы она отдала ему всю свою душу (*какіе злодѣи!*) Всѣ мужчины, кромѣ настоящихъ скотовъ, желаютъ имѣть въ женщинѣ, наиболѣе близкой къ нимъ, рабыню, служащую имъ не по принужденію, а по доброй волѣ, и не только рабыню, но и фаворитку» (стр. 36).

Вотъ гдѣ великое зло! Женская натура потеряла глубокое искаженіе вслѣдствіе того, что мужчины искали любви женщинъ, что они не удовольствовались обращеніемъ ихъ въ рабынь, какъ на Востокѣ, а пожелали сдѣлать изъ нихъ своихъ подругъ, заслужить ихъ привязанность и нѣжность.

«Всѣ нравственныя правила, продолжаетъ Милль, которымъ учатъ женщинъ, внушаютъ имъ, что долгъ женщины и притомъ природное душевное влеченіе ея—жить для другихъ, предаться полному самоотреченію и не имѣть жизни, кромѣ какъ въ своихъ привязанностяхъ,—а подѣ «своими привязанностями» разумѣютъ только тѣ привязанности, которыя имъ позволяютъ имѣть—привязанность къ мужчинамъ, которымъ онѣ близки, или къ *дѣтямъ, которыя составляютъ положительную и несокрушимую связь между ними и однимъ мужчиной*». (стр. 37).

И такъ вотъ на что жалуется Милль. Любовь, которую женщина питаетъ къ мужу и дѣтямъ, ему кажется искусственною, нарочно развитою сверхъ мѣры—какъ будто есть мѣра любви! Милль находитъ, что мужчины даже своихъ дѣтей обратили въ средство для подчиненія женщинъ и хвалятъ материнскую любовь только потому, что эта любовь даетъ имъ власть надъ женою! Нужно быть англичаниномъ, нужно очень любить власть и имѣть въ груди очень холодное сердце, для того чтобы разсуждать подобнымъ образомъ.

Какъ бы то ни было, женскій характеръ, по мнѣнію Милля, въ настоящее время искаженъ, и Милль выражаетъ надежду, что лишь со временемъ онъ, можетъ быть, исправится отъ этого недостатка.

«Если женщины, говоритъ онъ, дѣйствительно чѣмъ-нибудь лучше мужчинъ, то это именно способностію къ личному самопожертвованію ради членовъ своей семьи. Но *я этому качеству не придаю особой цѣны* до тѣхъ поръ, пока имъ со всѣхъ сторонъ внушаютъ и твердятъ, что онѣ рождены и созданы исключительно для самопожертвованія. Я полагаю, что равноправіе *поуменьшило бы*

чрезмѣрное, преувеличенное самоотреченіе, составляющее нынѣшній искусственный идеалъ женскаго совершенства, и что хорошая женщина сдѣлалась бы не болѣе способной къ самопожертвованію, чѣмъ хорошей мужчина». (стр. 104).

Нашъ философъ очевидно хочетъ, чтобы все было въ мѣру; онъ хвалитъ и самоотреченіе, но только тогда, когда оно не переходитъ извѣстныхъ границъ.

И такъ мы, мужчины, испортили женское сердце; мы же, по словамъ Милля, не давали развиться и женскому уму, всячески его давили и задерживали. Но тутъ дѣло оказывается сложнѣе. Перебирая великихъ ученыхъ, мыслителей, художниковъ, мы никакъ не можемъ сказать, что именно тѣ мужчины отличились умственными подвигами, которые не встрѣчали никакихъ препятствій или получили наилучшее образованіе. Напротивъ мы привыкли думать, что гений побѣждаетъ недостатокъ благоприятныхъ условій; онъ не всегда гибнетъ при дурныхъ обстоятельствахъ. Отчего же ничего подобнаго мы не видимъ у женщинъ? Милль не скрываетъ отъ себя этого возраженія, и вотъ какъ характеризуетъ умственную дѣятельность женщинъ:

«Если мы рассмотримъ произведенія женщинъ въ новѣйшія времена и сравнимъ ихъ съ произведеніями мужчинъ по литературной или художественной части—окажется, что недостатокъ, въ которомъ можно укорить ихъ, весь сводится почти исключительно на одно—впрочемъ надо сознаться, что это одно чуть ли не самое главное: на *недостатокъ оригинальности*, т. е. не на совершенный недостатокъ, потому что каждое произведеніе ума, имѣющее самобытную цѣну, имѣетъ непременно оригинальность своего рода, есть порожденіе собственнаго ума, а не копія съ чего-нибудь другого. Оригинальныя мысли, въ смыслѣ заимствованныхъ ни отъ кого, а выработанныхъ умственнымъ процессомъ въ собственномъ мозгу, путемъ собственныхъ наблюденій,—изобилуютъ въ сочиненіяхъ женщинъ. Но женщины пока еще не произвели ни одной изъ тѣхъ великихъ, свѣтлыхъ идей, которыми отмѣчаются новыя эры въ мышленіи, и ни одной изъ тѣхъ радикально новыхъ концепцій въ искусствѣ, которыя раскрываютъ впереди цѣлый рядъ возможныхъ результатовъ, до тѣхъ поръ неизвѣстныхъ, и служатъ основаніемъ новымъ школамъ. Ихъ сочиненія по большей части построены на существующемъ фундаментѣ мысли, и ихъ творенія немного уклоняются отъ существующихъ типовъ». (стр. 173).

Чѣмъ же объяснить таковой разительный фактъ? Въ этомъ случаѣ

Милль уже не прибѣгаетъ къ теоріи искаженія; онъ ищетъ причинъ болѣе объективныхъ. Женщины потому не могутъ поравняться съ мужчинами въ наукахъ и искусствахъ, что *слишкомъ поздно* довелось имъ вступить на это поприще.

«Съ тѣхъ поръ», пишетъ Милль, «какъ сколько нибудь значительное число женщинъ смѣло заниматься отвлеченнымъ мышлениемъ, оригинальность уже не могла даваться легко. *Почти всѣ результаты, до которыхъ можно было дойти силою собственныхъ, самобытныхъ способностей, давно уже достигнуты, а оригинальность въ высокомъ смыслѣ теперь почти нивѣзмъ не достигается, кромѣ умовъ, подвергшихся тщательной и строгой разработкѣ и имѣющихъ обширныя знанія по части результатовъ мысли прежнихъ вѣковъ.* Г. Морисъ вѣжеть первый замѣтилъ, что наиболѣе оригинальные мыслители нашего вѣка тѣ, которые лучше всѣхъ знали все, что мыслили ихъ предшественники, — *такъ отнынѣ будетъ всегда*». (стр. 175).

И такъ *самобытными способностями* женщины не могли ничего сдѣлать потому, что ихъ предъупредили мужчины; а съ тѣхъ поръ, какъ, по замѣчанію г. Мориса, ходъ умственной исторіи человѣчества будто бы совершенно измѣнился, и для оригинальности требуется еще огромная ученость, женщины еще не успѣли предаться этой учености. Поприще науки, съ одной стороны, почти все захвачено мужчинами, а съ другой стороны съ недавняго времени представляеть новыя условія, новыя трудности, которыхъ *еще не успѣли* побѣдить женщины. Въ одномъ случаѣ онѣ уже опоздали отлпчиться, въ другомъ еще не успѣли.

Самый свободный даръ есть даръ поэзіи; въ отношеніи къ художественнымъ талантамъ вѣроятно и г. Морисъ не скажетъ, чтобы въ человѣчествѣ наступили новыя условія для ихъ развитія. Поэтому неудачу женщинъ въ искусствахъ Милль объясняетъ исключительно тѣмъ, что онѣ опоздали. Для доказательства онъ ссылается на исторію различныхъ литературъ вообще.

«Если отъ чистаго мышленія, говорить онъ, мы обратимся къ литературѣ въ полномъ смыслѣ этого слова и къ искусствамъ, мы найдемъ весьма уважительную и *простую причину*, по которой женская литература, по общей концепціи и главнымъ чертамъ своимъ, *есть подражаніе мужской*. Почему римская литература, какъ намъ критики досыта нажужжали, не есть литература оригинальная, а есть подражаніе греческой? *Просто потому, что греческая предшествовала ей по времени.* Еслибы женщины жили въ другой

страи́хъ чѣмъ мужчины и никогда не читали бы ни одного мужскаго сочиненія, у нихъ непремѣнно сложилась бы собственная литература. Такъ какъ этого нѣтъ, то онѣ не создали литературы, потому что нашли цѣлю, сильно развитую литературу уже созданную.» (стр. 178).

Такъ просто и легко объясняетъ намъ философъ самыя трудныя вещи. Различіе между духомъ Грековъ, художественнымъ по преимуществу, и духомъ Римлянъ, преимущественно политическимъ— это различіе не существуетъ для нашего скептика. Онъ твердо увѣренъ, что всѣ люди равны по способностямъ, и что если бы не было Грековъ, ихъ дѣло было бы совершено Римлянами.

Такия и подобныя соображенія и догадки предлагаетъ Милль для объясненія разницы, существующей между мужчинами и женщинами. Характеръ этихъ объясненій очень ясенъ, да ясенъ и тотъ результатъ, къ которому они стремятся. Несмотря на то, что никто еще не знаетъ науки объ образованіи характера, мы уже теперь можемъ видѣть существенныя приемы и цѣли этой науки. Эта наука заранѣе признаетъ, что всѣ характеры равны и что ихъ различіе есть случайное, зависящее отъ совершенно внѣшнихъ обстоятельствъ, напр. отъ физической силы. Она признаетъ, что нѣтъ различій существенныхъ, прирожденныхъ, что всѣ различія образовались изъ нѣкотораго первобытнаго безразличія. Очевидно это не скептицизмъ, а весьма упорный догматизмъ. Исторія всѣхъ народовъ, опыты всѣхъ вѣковъ отвергаются только потому, что они не совпадаютъ съ предвзятою мыслию. Милль находитъ, что вся эта исторія и всѣ эти опыты только мѣшали развитію женщинъ, препятствовали естественному обнаруженію ихъ характера. Милль безпрестанно приходитъ къ требованіямъ и предположеніямъ, представляющимъ полное отрицаніе самыхъ естественныхъ, самыхъ необходимыхъ условий существованія женщины. Въ одномъ мѣстѣ онъ выражаетъ желаніе, чтобы не было той положительной и несокрушимой связи, которую дѣти образуютъ между женщиною и мужчиною; въ другомъ мѣстѣ ему хотѣлось бы, чтобы существовало общество однихъ женщинъ; въ третьемъ, чтобы женщины не читали бы ни одного мужскаго сочиненія. Вотъ при какихъ условіяхъ, по мнѣнію Милля, могла бы во всемъ блескѣ проявиться женская натура. Теперь же будто бы все испорчено и искажено, такъ какъ къ великому несчастію женщинъ существуютъ мужчины, которые ихъ любятъ, приживаютъ съ ними дѣтей и даютъ имъ читать свои сочиненія. Очевидно Милль, руководствуясь своею новою наукою

объ образованіи характера, готовы видѣть неестественность и искаженіе въ вещахъ самыхъ простыхъ и нормальныхъ.

III.

Изъ условій, предлагаемыхъ Миллемъ для правильнаго и безпрепятственнаго развитія женщины, есть однако же одно возможное, и въ немъ-то, какъ оказывается, все дѣло. Чтобы узнать истинныя свойства женской природы, невозможно составить общество изъ однихъ женщинъ, нельзя уничтожить всѣ мужскія книги и художественныя произведенія, нельзя воспрепятствовать несокрушимымъ связямъ, образующимся между женщинами и мужчинами, но можно устранить *всѣ юридическія преимущества одного пола надъ другимъ* и посмотрѣть, что тогда будетъ.

Милль разсуждаетъ довольно послѣдовательно съ своей скептической точки зрѣнія. Онъ говоритъ, что женская натура до сихъ поръ не могла свободно обнаружиться, такъ какъ на положеніе женщины имѣлъ вліяніе посторонній дѣлу элементъ, — физическая сила мужчинъ, изъ которой происходили и юридическія преимущества одного пола надъ другимъ. По правиламъ экспериментальной философіи, когда требуется опредѣлить истинную природу какого-нибудь явленія, нужно отнимать одно условіе за другимъ и такимъ образомъ опредѣлять какія свойства необходимо принадлежать явленію и какія для него случайны. Такого рода экспериментъ и предлагаетъ сдѣлать Милль надъ женщинами. Попробуемъ отмѣнить всѣ особенныя права и привилегіи, которыми пользуются мужчины, и тогда мы увидимъ какова настоящая, неискаженная женская натура.

«Если бы, говоритъ Милль, власть мужчины надъ женщиной при первомъ ея водвореніи была результатомъ добросовѣстнаго сличенія различныхъ способовъ уладить строй общества, если бы *по испытаніи разныхъ другихъ способовъ общественной организаціи* — власти женщины надъ мужчинами, равенства между ними, или наконецъ *разныхъ комбинацій, которыхъ много можно было бы выдумать*, — было рѣшено на основаніи опыта, что тотъ способъ, при которомъ женщина находится вполне подъ властію мужчины, не пользуясь ни малѣйшимъ участіемъ въ публичныхъ дѣлахъ и будучи въ частной жизни обязана закономъ повиноваться мужчине, съ которымъ она соединила свою судьбу, — болѣе всѣхъ способствуетъ къ счастью и благоденствію того и другой, — тогда еще можно

было бы съ нѣкоторымъ основаніемъ признать общее принятіе этого способа за доказательство, что во время принятія его онъ былъ лучшимъ изъ всѣхъ».

«Но женскій вопросъ во всѣхъ отношеніяхъ поставленъ какъ разъ наоборотъ. Мнѣніе въ пользу существующей системы, вполне подчиняющей слабѣйшій полъ сильнѣйшему, основано на одной теоріи, потому что *никогда не было испытано никакой другой системы*, такъ что опытность, въ томъ смыслѣ, въ какомъ она обыкновенно противопоставляется теоріи, уже *никакимъ образомъ не участвовала въ приговоръ.*» (Стр. 9, 10, 11).

И такъ вотъ источникъ великихъ несчастій и заблужденій человечества. Люди не сдѣлали надлежащихъ опытовъ и принялись жить по первой попавшейся системѣ, не догадываясь, что могли бы жить по другимъ системамъ, которыя можетъ быть оказались бы лучше. Экспериментальная философія, эта глубокая мудрость, до которой мы наконецъ достигли, требуетъ поступать иначе. Сдѣлаемъ сперва всѣ возможные комбинаціи отношеній между женщинами и мужчинами, и тогда опыты рѣшится, которая изъ нихъ ведетъ къ наибольшему счастью; ту мы и выберемъ. Теперь же мы живемъ по такой системѣ, въ выборѣ которой опытъ *ни мало не участвовалъ.*

Но точно также, какъ Милль оказался непоследовательнымъ скептикомъ, онъ оказывается не вполне последовательнымъ и въ методѣ экспериментовъ. Помощію различныхъ соображеній онъ отказывается отъ длиннаго и медленнаго пути опыта, и думаетъ, что можно ограничиться всего однимъ экспериментомъ, который считается не только необходимымъ, но и совершенно достаточнымъ, чтобы порѣшить вопросъ. Нужно испробовать по его мнѣнію одну слѣдующую комбинацію или систему: установить равенство между полами. Въ доказательствѣ необходимости и пользы этого эксперимента и заключается сущность всей разбираемой нами книги.

Такимъ образомъ цѣль книги Милля—чисто юридическое рѣшеніе вопроса. По многимъ страницамъ можно подумать, что авторъ имѣлъ и другія цѣли, можетъ показаться, что его занимали философскіе, нравственные, эстетическіе и другіе вопросы, но въ сущности онъ имѣлъ въ виду—доказать, что женщинамъ должны быть предоставлены тѣже права, какъ и мужчинамъ. Въ этомъ отношеніи Милль совершенный англичанинъ; сперва онъ кажется отчаяннымъ скептикомъ, отвергающимъ самыя простыя истины; затѣмъ вдругъ является рѣшительнымъ практикомъ, для котораго

отвлеченныя разсужденія не имѣютъ большой цѣны, который имѣеть въ виду практическое дѣло и стремится къ нему съ увѣренностію и настойчивостію, чуждою малѣйшаго скептицизма. Въ настоящемъ случаѣ Милль думаетъ, что его скептицизмъ и его практическія цѣли совершенно совпадаютъ.

«Люди, говорить онъ, по большей части не имѣютъ ни малѣйшаго понятія о дѣйствительной природѣ женщины, да и невозможно въ настоящее время ни отдѣльнымъ личностямъ изъ мужчинъ, ни всѣмъ мужчинамъ вмѣстѣ имѣть достаточнаго знанія о ней, чтобы имѣть право предписывать женщинамъ путемъ закона, въ чемъ ихъ призваніе и въ чемъ нѣтъ. *Къ счастью такое знаніе не нужно для практическаго рѣшенія вопроса о положеніи женщины въ отношеніи къ обществу и къ жизни. По всѣмъ принципамъ, руководящимъ современными общественными вопросами, это должно быть предоставлено рѣшить самимъ женщинамъ.*» (Стр. 64).

Это значить, что по современнымъ принципамъ женщинамъ должны быть предоставлены всѣ права, какія вообще предоставляются разумнымъ и нравственнымъ существамъ. И для этого намъ вовсе не нужно изучать дѣйствительную природу женщины, не нужно знать, искажена ли она или нѣтъ, не нужны всѣ тѣ разсужденія, которыми наполнилъ свою книжку Милль.

Такимъ образомъ вопросъ представляется въ двоякомъ видѣ: то онъ является какъ интересный экспериментъ для открытія истинной природы женщины, то вдругъ является какъ простое требованіе *принциповъ, руководящихъ современными общественными вопросами*. Въ первомъ отношеніи это предметъ сомнительный, сложный, трудный; во второмъ, въ нашему великому счастью онъ не допускаетъ никакого сомнѣнія и колебанія. Хотя бы мы не имѣли никакого понятія о разницѣ между мужчиною и женщинами, хотя бы считали женщинъ несравненно выше, или несравненно ниже мужчинъ, намъ все-таки слѣдуетъ уравнивать въ правахъ оба пола.

Принципъ же, изъ котораго прямо истекаетъ такое рѣшеніе, и который получилъ большую силу въ современныхъ юридическихъ понятіяхъ, есть слѣдующій:

„По новѣйшему убѣжденію, говорить Милль, плоду тысячелѣтняго опыта, всѣ дѣла, въ которыхъ личность прямо заинтересована, никогда нейдутъ хорошо, если они не предоставлены ей собственному усмотрѣнію, и подчиненіе ихъ правиламъ, сочиненнымъ вла-

стями, далѣе того, что требуется для охраненія правъ другихъ, дѣйствуетъ непремѣнно вредно.“ (Стр. 42).

Вотъ главный принципъ, на основаніи котораго Милль требуетъ, чтобы законъ и учрежденія не налагали на женщинъ никакихъ ограниченій, чтобы на всѣхъ поприщахъ общественной и политической жизни женщинамъ предоставлена была свободная конкуренція съ мужчинами.

IV.

Но если такъ, то все дѣло принимаетъ иной видъ. Если женскій вопросъ сводится только на вопросъ о правѣ, то онъ суживается и упрощается; онъ получаетъ несравненно меньшій объемъ, чѣмъ думаетъ Милль. Дѣло становится даже совершенно простымъ и элементарнымъ, если для самаго права признать принципъ, представляемый Миллемъ, знаменитый принципъ *laissez faire laissez aller*, принципъ свободной конкуренціи, свободной торговли. Тогда рѣшеніе будетъ такое: не вмѣшивайтесь ни во что, не опредѣляйте заранѣе ни цѣли ни содержанія чьей либо дѣятельности. Все опредѣлится само собою; наилучшій порядокъ тотъ, который самъ собою возникаетъ изъ безпорядка.

Но если такъ, то отсюда слѣдуетъ прежде всего, что всѣ предъидущія разсужденія Милля совершенно излишни. Если требованіе уравненія половъ вытекаетъ просто изъ того положенія, что женщины такія же разумно-нравственные существа, какъ и мужчины, и что не религія или государство, а свободная конкуренція должна рѣшать ихъ годность или негодность къ извѣстному положенію въ обществѣ, къ извѣстной дѣятельности, то не настоятъ уже ни малѣйшей надобности разсуждать о природѣ женщины или заботиться о ея благополучіи. Если бы въ силу свободной конкуренціи женщины пришли въ несравненно худшее положеніе, чѣмъ нынѣ, то и тогда, какъ извѣстно изъ политической экономіи, сумма общаго благополучія вышла бы болѣе прежней, и слѣдовательно худя никакого не было бы.

Отсюда намъ открывается особенный характеръ книжки Милля. Очевидно *право* у него имѣетъ преувеличенное значеніе, несогласное съ его собственными принципами. Попробуемъ разсмотрѣть женскій вопросъ съ этой стороны, различить въ немъ его дѣйствительное содержаніе отъ постороннихъ примѣсей.

Зачѣмъ разсуждать о природѣ женщины? Развѣ негры освобож-

дены потому, что мы убѣдились въ невозможности найти существенныя отличія ихъ отъ бѣлаго племени или увѣровали въ ихъ полное равенство съ бѣлыми людьми? Еслибы равенство способностей требовалось для равенства правъ, то мы пришли бы къ величайшимъ несправедливостямъ. Не въ томъ ли состоитъ истинно человѣколюбивое и христіанское начало, что человѣческое достоинство признается и за людьми мало развитыми, за слабыми и неспособными? Если тупой и безсильный мужчина пользуется известными правами, то на какомъ основаніи этихъ правъ можетъ быть лишена умная и энергическая женщина?

И такъ весьма неправильно поступаютъ тѣ, которые ратуя за равноправность женщины, опираются на то, что будто бы тотъ и другой полъ имѣютъ одинаковыя духовныя силы. Читая Милля можно подумать, что если женщины неспособны къ геніальности въ наукахъ и художествахъ, если они не могутъ поравняться во всемъ съ мужчинами, то будто бы можно ихъ лишить нѣкоторыхъ правъ. Но отчего же такъ? Почему можно думать, что для какого-бы то ни было права, даже напримѣръ для права засѣдать въ парламентѣ,—необходимы доказательства великихъ способностей? Нельзя же сказать, что это право дается только Аристотелямъ и Шекспирамъ и что каждый членъ только потому и сидитъ въ парламентѣ, что подаетъ надежду произвести и высказать хоть одну геніальную мысль. Напротивъ мы будемъ ближе къ истинѣ, если предположимъ, что между членами парламента есть и такіе, которые, какъ говорится, хуже всякой бабы, или по крайней мѣрѣ не выдумаютъ пороку. А если такъ, то почему рядомъ съ ними не можетъ сѣсть умная и бойкая женщина? Какъ ни важны дѣла рѣшаемыя въ парламентѣ, нельзя опять таки сказать, что для участія въ нихъ необходимо быть геніемъ; очень можетъ быть, что даже нужно не быть геніемъ, что, напримѣръ, Рафаэль или Бетховенъ пожалуй были бы весьма плохими членами парламента. Для этихъ дѣлъ иногда всего пригоднѣе можетъ быть были бы люди средственныхъ талантовъ; и слѣдовательно отчего же въ нихъ не участвовать женщинамъ?

Вотъ какъ мы смотримъ на дѣло. Если права должны быть даны женщинамъ, то не потому, что право есть нѣчто драгоценное, доступное лишь избраннымъ, а потому, что обладаніе и пользованіе правами возможно и для людей мало способныхъ и можетъ быть имъ предоставлено безъ всякаго препятствія.

Вотъ то различіе въ понятіяхъ о правѣ, изъ котораго мы выводимъ точку зрѣнія Милля и объясняемъ себѣ содержаніе его книги. Какъ

западный человекъ вообще, и какъ чистый англичанинъ, Милль придаетъ правамъ гораздо больше значенія, чѣмъ мы, русскіе. Для него право—главный, существенный вопросъ, которому подчиняется все остальное. На всякое дѣло онъ смотритъ съ этой стороны; лишеніе права для него есть высшее зло, какими бы выгодами это лишеніе не сопровождалось, а обладаніе правомъ есть высшее благо, къ которому должны сводиться всѣ цѣли и способности человека.

Въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ:

«Такъ какъ подчиненность женщинъ мужчинамъ есть съ незапамятныхъ временъ всемірній обычай, то *всякое уклоненіе отъ него* совершенно естественно кажется неестественнымъ».

Напримѣръ:

«Англичанамъ кажется въ высшей степени неестественнымъ, что бы женщина *была солдатомъ или членомъ парламента*», (стр. 30 и 31).

И такъ быть солдатомъ и быть членомъ парламента — въ глазахъ Милля суть два *права*, которыхъ мужчины не даютъ женщинамъ въ силу привычки съ незапамятныхъ временъ держать женщину въ своемъ подчиненіи.

Не очевидно ли, однакоже, что *быть солдатомъ* есть не столько право, сколько обязанность, притомъ весьма тяжкая? Мы привыкли думать, что освобожденіе женщинъ отъ военной службы есть нѣкоторая привиллегія женщинъ, но Милль, какъ видимъ, и здѣсь находитъ лишеніе права. Если хорошенько вдуматься, то такая же разница въ понятіяхъ окажется и относительно другаго права — быть членомъ парламента. Милль конечно не сомнѣвается, что это есть высокое право, которымъ всякій долженъ дорожить, [котораго всякій долженъ добиваться; но намъ русскимъ прежде всего бросается въ глаза другая сторона дѣла, и мы находимъ, что и быть членомъ парламента значить исполнять нѣкоторую важную и очень отвѣтственную обязанность. Мы готовы видѣть льготу для женщинъ въ томъ, что они *не несутъ* государственной *службы*. Что для англичанина *право*, то для насъ *служба*, и мы *несемъ* то, чѣмъ они *пользуются*.

Вообще всякое дѣло, всякое положеніе имѣетъ эти двѣ стороны: право и обязанность, и кто беретъ на себя извѣстныя права, тотъ беретъ вмѣстѣ и соотвѣтствующія обязанности. Поэтому въ глазахъ людей всякое дѣло получаетъ различный видъ, различную цѣну и значеніе смотря по тому, что дороже человеку, власть или совѣсть. Если человекъ властолюбивъ, то ему всего болѣе льститъ облада-

ніе правами; а если онъ совѣстливъ, то его всего больше пугаетъ мысль объ обязанностяхъ. Мы, русскіе, очевидно принадлежимъ къ этому второму разряду; мы гораздо больше думаемъ объ обязанностяхъ, чѣмъ о правахъ, и не любимъ брать на себя большую отвѣтственность. Этимъ свойствомъ многое объясняется въ нашей исторіи; отъ него вѣроятно зависятъ не мало темныхъ и плачевныхъ сторонъ нашей жизни; ибо гдѣ не любятъ и не цѣнятъ права, тамъ оно часто попирается; гдѣ не дорожатъ властью, тамъ легко злоупотреблять ею тѣмъ, у кого она въ рукахъ.

Западный человѣкъ напротивъ властолюбивъ въ высокой степени; онъ дорожитъ правами и добивается ихъ, потому что вѣритъ, что вполне способенъ пользоваться ими, что можетъ наилучшимъ образомъ сдѣлать все то, на что имѣетъ право. Подобная вѣра въ себя приводила и приводитъ европейцевъ часто къ насиліямъ, которыхъ русскіе никогда не совершали въ такихъ размѣрахъ и съ такою послѣдовательностію, какъ европейцы. Намъ никогда не приходило въ голову, что мы можемъ держать въ рабствѣ другой народъ на томъ основаніи, что мы выше его своимъ развитіемъ. Гордясь своими духовными началами, ставя свой народъ весьма высоко, мы однакоже не выводили изъ этого необходимости юридическихъ различій между собою и инородцами. Только тотъ, кто считаетъ, что высшія способности даютъ непремѣнно и высшія права, можетъ доказывать справедливость освобожденія негровъ тѣмъ, что и негры способны къ наилучшей умственной и нравственной дѣятельности. По нашему же негры должны быть свободны, *хотя бы далеко не могли поравняться съ бѣлыми въ душевныхъ силахъ.*

Англійскія понятія о правѣ отразились разумѣется и въ англійской жизни. Такъ напримѣръ мы можемъ повѣрить Милку, когда онъ утверждаетъ, что подчиненіе женщинъ имѣло своимъ источникомъ властолюбіе мужчинъ.

«Несомнѣнно лестно для гордости, говоритъ онъ,—обладать властью и выгодно лично пользоваться ею, и это удовольствіе, эта выгода въ этомъ случаѣ (т. е. въ женскомъ вопросѣ) не ограничиваются однимъ какимъ нибудь классомъ людей, а простираются на всю мужскую половину человечества». «Этотъ вопросъ касается личности и домашняго очага *каждаго мужчины*, главы семейства, или имѣющаго въ виду сдѣлаться главой семейства. Послѣдній мужиѣ пользовался и будетъ пользоваться своею долею власти на равнѣ съ первымъ вельможей. Наконецъ вопросъ касается именно тѣхъ отношеній, въ которыхъ болѣе всего хочется власти: вѣдь

каждому, кому власти хочется, хочется имѣть ее надъ людьми наиболѣе близкими къ нему, съ которыми у него наиболѣе общихъ дѣлъ и въ которыхъ независимость отъ его авторитета всего чаще можетъ мѣшать его личнымъ вѣусамъ». (стр. 24 и 25).

Вотъ изложеніе чисто-англійскихъ чувствъ, того властолюбиваго духа, изъ котораго возникло юридическое устройство англійскаго семейства. Отношенія между членами семьи англійскіе законы возвели на степень юридическихъ обязанностей, и естественное главенство мужа обратили въ законную власть. Приведемъ главныя черты этого устройства, какъ ихъ излагаетъ Милль.

«По старымъ англійскимъ законамъ мужъ назывался повелителемъ жены (lord). На него буквально смотрѣли, какъ на ея *личнаго государя*, и убійство мужа женой называлось *измѣной* (только *малой*, — petty treason — въ различіе отъ *высшей*, high treason, или государственной измѣны).“ (стр. 74).

Но и въ настоящее время законы въ Англій сохраняютъ тотъ же характеръ.

„Жена, пишетъ Милль, — въ полномъ смыслѣ невольница мужа, — нисколько не менѣе невольница, относительно легальной обязанности, чѣмъ настоящіе купленные рабы. Она предъ алтаремъ клянется въ пожизненномъ повиновеніи и законъ обязываетъ ее до гроба соблюдать эту клятву.“

„Она не можетъ дѣлать ничего иначе, какъ по разрѣшенію мужа. Она не можетъ пріобрѣтать собственность иначе, какъ для него. Въ ту минуту, какъ собственность поступаетъ въ ея руки, хотя бы по наслѣдству, она переходитъ въ его власть. Въ этомъ отношеніи положеніе женщины по англійскимъ законамъ хуже положенія невольника.“ (стр. 75).

Таково положеніе относительно собственности; не менѣе обдѣлена женщина и въ другомъ отношеніи.

„Какое положеніе занимаетъ она относительно дѣтей, въ которыхъ она и повелитель ея одинаково заинтересованы? Они по закону ея дѣти. Онъ одинъ имѣетъ надъ ними легальное право; она не можетъ совершить ни одного дѣйствія относительно ихъ иначе какъ по его разрѣшенію и повелѣнію. Даже послѣ его смерти она не дѣлается ихъ законной опекуней, если онъ не назначитъ ее опекуней въ своемъ духовномъ завѣщаніи.“ (стр. 78).

Таковы англійскіе законы. Объ нихъ однихъ только и говоритъ Милль, ни разу не упоминая о другихъ законодательствахъ. Между тѣмъ, если бы онъ принялъ въ соображеніе и законы дру-

гихъ странъ, то можетъ быть убѣдился бы, что не вездѣ господствуетъ то мужское властолюбіе, которому онъ приписываетъ ограниченіе правъ женщины, и что едва ли существуетъ тотъ общій заговоръ мужской половины человѣческаго рода противъ женской, о которомъ можно заключить изъ многихъ мѣстъ книжки Милля.

По нашимъ русскимъ законамъ женщины ограничены несравненно менѣе. Пользуясь, какъ и вездѣ, свободою отъ нѣкоторыхъ повинностей, онѣ у насъ обладаютъ многими гражданскими правами совершенно въ той же мѣрѣ, какъ мужчины. Такъ жена есть полная собственница своего имущества, и мужъ не имѣетъ на это имущество ни самонадѣйшихъ правъ. Въ случаѣ смерти мужа, его дурнаго поведенія и т. п. жена признается закономъ опекушкою надъ дѣтьми. Въ дворянскихъ собраніяхъ женщины обладаютъ выборнымъ голосомъ наравнѣ съ мужчинами и пр. Однимъ словомъ въ нашемъ законодательствѣ вовсе не существуетъ того принципа полной безправности женщины, который господствуетъ въ законодательствѣ англійскимъ. Какъ въ отношеніи къ инородцамъ, такъ и въ отношеніи къ женщинамъ русскіе люди никогда не были такъ скупы на права, какъ англичане.

Отсюда мы видимъ особенный характеръ книжки Милля. Очевидно это сочиненіе есть отчасти протестъ противъ существующаго въ Англии порядка, протестъ, для котораго у насъ нѣтъ такихъ сильныхъ и многочисленныхъ поводовъ, какъ тамъ. Мы были поэтому весьма удивлены соображеніями г. Благосвѣтлова, который въ предисловіи къ переводу Милля выражается такъ:

„Если предлагаемый Миллемъ идеаль свободной женщины еще далекъ отъ своего осуществленія въ средѣ такой высокой цивилизаціи, какова англійская, то какое же отношеніе онъ можетъ имѣть къ намъ, идущимъ по крайней мѣрѣ на два столѣтія позади англичанъ въ умственной культурѣ?“ (см. стр. III).

Подобныя общія соображенія весьма неосновательны. Въ дѣйствительности оказывается, что по женскому вопросу, если въ немъ за главную сторону признавать юридическія отношенія, мы ушли далеко впередъ англичанъ. Въ Англии требуется кореннаго измѣненія въ законодательствѣ, внесенія въ него новаго принципа; у насъ же оказывается нужнымъ только развитъ тѣ самыя начала, которыя уже лежатъ въ основаніи нашихъ законовъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что женскій вопросъ въ томъ видѣ, какъ его представилъ Милль, имѣетъ своеобразный, именно вполне англійскій характеръ. Съ другой стороны мы можемъ от-

части видѣть, что такое женскій вопросъ у насъ въ Россіи. Этотъ вопросъ очевидно никакъ не составляетъ выраженія потребностей русской жизни. Это явленіе отчасти привозное, отчасти сочиненное. Завезли его къ намъ иностранныя книжки, а подсочинили его петербургскіе сочинители, которые, подобно г. Благосвѣтлову, далеко отъ всякаго прикосновенія съ русской жизнью, которые вовсе не обращаютъ на нее вниманія, а занимаются писаніемъ статей и изданіемъ журналовъ. Статьи пишутся и журналы составляются по тому рецепту, который такъ наивно обнаруженъ г. Благосвѣтловымъ въ приведенныхъ нами словахъ. Принципы для сужденій и темы для вопросовъ цѣликомъ заимствуются отъ какихъ нибудь передовыхъ европейскіхъ людей. Поступая такимъ образомъ наши писатели заранѣе увѣрены, что они приносятъ къ намъ лучшіе плоды прогресса, послѣдніе выводы человѣческаго ума, и что такимъ образомъ способствуютъ просвѣщенію своего невѣжественнаго отечества. Знать же свое отечество они почитаютъ совершенно излишнимъ, на томъ самомъ основаніи, которое приводятъ г. Благосвѣтловъ: если что-нибудь, думаютъ они, составляетъ прогрессъ для Англій, то тѣмъ болѣе то же самое должно составлять прогрессъ для Россіи.

Такимъ образомъ произошло, что, на примѣръ, наши просвѣщенные люди вдругъ воспылали противъ нашего смирнаго и забытаго духовенства тою ненавистью, которую возбудили противъ себя на западѣ властолюбивые и могущественные католическіе духовные. Возгорѣлась война противъ капитала, тогда какъ у насъ нѣтъ капиталовъ; явился фабричный вопросъ, тогда какъ наши фабрики составляютъ весьма незначительное явленіе среди массы народа, занимающейя земледѣліемъ, скотоводствомъ и т. п.

Точно также возникъ и женскій вопросъ. Къ величайшему сожалѣнію нужно признать, что въ этомъ вопросѣ нѣтъ ни единой нашей самобытной черты, что мы не слышимъ въ немъ выраженія какой-нибудь дѣйствительной потребности русскихъ женщинъ, а видимъ только напускныя требованія, подражаніе иностранцамъ, фантазію, не имѣющую никакой правильной и ясной связи съ дѣйствительностію.

Вотъ зло—величайшее, и кто хлопочетъ о женскомъ вопросѣ, тотъ долженъ сюда устремить всѣ свои усилія. При томъ постоянномъ возбужденіи умовъ, которое производится у насъ авторитетомъ и вліяніемъ запада, женскій вопросъ имѣеть у насъ неизбѣжное и въ извѣстномъ смыслѣ законное существованіе. Ли-

шить этотъ вопросъ его фантастическихъ формъ, какъ-нибудь сблизить его съ дѣйствительностію, откинуть безсодержательныя, напыщенныя декламации и свести дѣло къ дѣйствительнымъ надобностямъ и къ возможнымъ средствамъ для ихъ удовлетворенія—вотъ настоящая цѣль для нашихъ новаторовъ и прогрессистовъ.

Но они кажется думаютъ не о томъ. Не считаетъ ли себя тотъ изъ нихъ превосходнѣе другихъ, кто заскакалъ всего дальше отъ дѣйствительности и отъ настоящихъ живыхъ интересовъ?

Впрочемъ нынче являются многіе признаки отрезвления, и авось время все перемелеть, авось мы дождемся и самостоятельнаго умственного движенія у нашихъ женщинъ и мужчинъ.

V.

Англичанки находятся въ очень дурномъ юридическомъ положеніи, гораздо худшемъ, чѣмъ русскія женщины. И однакоже всему свѣту извѣстно, что такое англичанка. Это очень высокій типъ женской красоты и женскихъ душевныхъ качествъ, и съ этимъ типомъ не могутъ равняться наши русскія женщины, не смотря на то, что издавна находились въ несравненно лучшемъ юридическомъ положеніи. Вотъ сторона женскаго вопроса, очевидно вовсе упущенная изъ виду Миллемъ. Между тѣмъ это сторона вполне дѣйствительная и для насъ весьма важная. Во многихъ русскихъ семействахъ дѣвушекъ учатъ англійскому языку именно для того, чтобы сдѣлать имъ доступною англійскую литературу, въ которой отразился образъ англійской женщины. Англійскіе романы составляютъ обыкновенное, давно у насъ принявшееся и завѣдомо-доброкачественное чтеніе для женщинъ и дѣвушекъ. Англія — классическая страна чистыхъ семейныхъ нравовъ, подобно тому какъ Франція есть классическая страна любовныхъ похиженій. Вотъ сторона дѣла, которую повидному никакъ нельзя упускать изъ виду и которая не можетъ насъ не интересовать. Что будетъ изъ русской женщины? Дастъ ли она міру новый образецъ красоты человѣческой природы, или же останется примѣромъ безцвѣтности и, пожалуй, какой-нибудь нравственной уродливости?

Въ сущности вѣдь это одно только и важно; важно не право, не свобода, а то, для чего нужны право и свобода. Право и свобода суть только возможность что-нибудь дѣлать, только отрица-

тельное условіе дѣятельности, только отсутствіе помѣхъ для раскрытія силъ. Истинная же пружина жизни, положительное ея условіе суть нѣкоторыя опредѣленные цѣли и желанія, нѣкоторый идеаль дѣятельности, ясно установившійся въ душѣ. Только тѣ стремленія и хороши и сильны, которыя опираются на такой опредѣленный идеаль. Мы непременно завоеуемъ извѣстное право, непременно добьемся извѣстной свободы, если это право и эта свобода для насъ не безпредметны, если они дороги намъ по положительнымъ цѣлямъ въ нихъ содержащимся.

Чѣмъ должна быть, или все равно — чѣмъ хочетъ быть женщина?

На этотъ вопросъ мы не встрѣчаемъ у Милля никакого отвѣта. Можетъ быть намъ скажутъ, что въ этомъ случаѣ мы несправедливы къ Миллю, что онъ, по самой цѣли своего сочиненія не считалъ нужнымъ задаваться такимъ вопросомъ. Самое заглавіе книги показываетъ, что онъ имѣлъ въ виду только одинъ юридическій вопросъ, хотѣлъ говорить только о *подчиненіи* женщинъ, а не о томъ идеалѣ, къ которому онѣ должны стремиться. На это замѣтимъ, что раздѣлить эти два предмета невозможно и что главная ошибка Милля конечно заключается въ томъ, что онъ не взялъ женскаго вопроса во всей его обширности, упустилъ изъ виду главную точку зрѣнія.

Такъ этому и слѣдовало быть вслѣдствіе самыхъ пріемовъ и основъ мышленія Милля. Мы разсмотрѣли его книжку съ двухъ сторонъ, съ теоретической и съ практической. Въ философіи Милль скептикъ, въ практикѣ — индивидуалистъ, въ томъ и въ другомъ случаѣ чистѣйшій англичанинъ и протестантъ. *По счастью*, какъ онъ самъ говорить, одно другому не мѣшаетъ; мы же могли бы сказать — *по несчастью* одно другому помогаетъ. Какой можетъ быть идеаль женщины у скептика, который настойчиво утверждаетъ, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго яснаго познанія о женской натурѣ? Съ другой стороны, какой можетъ быть идеаль женщины у индивидуалиста, для котораго независимость одного человѣка отъ другаго есть лучшая идея человѣческой жизни, для котораго власть, право — дороже всего на свѣтѣ? Даже на самыя естественныя связи женщины, на ея связь съ мужемъ, съ дѣтьми, Милль смотритъ прежде всего какъ на нѣкоторыя препятствія свободѣ и приписываетъ имъ даже вредное вліяніе на развитие женщины.

Идеала женщины очевидно нужно искать въ другомъ разрядѣ

идей, въ другомъ направленіи мышленія. Только тотъ, кто сколько нибудь разумѣетъ своеобразіе женской природы, кто видитъ красоту и достоинство человѣческой жизни не въ одномъ обладаніи правами, не въ одномъ ненарушимомъ произволѣ *личныхъ вкусовъ* (такъ, какъ мы видѣли, выражается Милль), только тотъ можетъ прійти къ понятію о нѣкоторомъ *женскомъ идеалѣ*.

Для скептика все равно, есть ли разница и въ чемъ разница между мужчиною и женщиною. Но для того, кто признаетъ между полами опредѣленную разницу, уже не можетъ быть все равно, какъ и въ чемъ эта разница проявляется. Мы любимъ и цѣнимъ именно тѣ вещи, въ которыхъ ихъ родъ выражается со всею опредѣленностію. Намъ одинаково противны и женоподобный мужчина и мужеподобная женщина. Такъ точно мы не любимъ и стариковъ прикидывающихся молодыми, и юношей блистающихъ зрѣlostью, и всякого другого извращенія природы, столь обыкновеннаго между людьми. Поэтому прежде всего и больше всего мы желали бы въ женщинѣ самаго чистаго и яснаго развитія женскихъ качествъ, а не какихъ-нибудь другихъ.

Женщина, какъ извѣстно, по красотѣ, по прелести душевной и тѣлесной есть первое существо въ мірѣ, вѣнецъ созданія. Не даромъ же статуи языческихъ богинь и картины христіанскихъ мадоннъ—представляютъ высочайшія выраженія красоты, доступной художеству. Но благородство и прелесть женской природы принадлежатъ ей только на томъ условіи, чтобы она не измѣняла самой себѣ. Чѣмъ прекраснѣе вещь, тѣмъ отвратительнѣе ея уклоненія отъ типа, извращенія ея природы. Изъ женщинъ выходятъ не одиѣ богини и мадонны, изъ нихъ же выходятъ и фурии и вѣдьмы. Уклоненія тѣмъ возможнѣе, тѣмъ многочисленнѣе и глубже, чѣмъ выше и чище идеалъ. Мужчина по самому существу дѣла никогда не можетъ достигнуть той степени отвратительности, до которой доходитъ женщина.

И слѣдовательно, если мы только признаемъ за собою нѣкоторое разумѣніе женской природы, то главною цѣлью нашею будетъ охраненіе ея во всей чистотѣ, развитіе тѣхъ качествъ, которыя она можетъ имѣть, и устраненіе тѣхъ недостатковъ, которые ей свойственны.

Обыкновеннѣйшій порокъ женщинъ есть ихъ фальшивость, отсутствіе искренности и естественности. Одно изъ самыхъ злыхъ замѣчаній относительно женщинъ принадлежитъ Пигасову (въ „Рудинѣ“ Тургенева), который увѣрялъ, что добыть естественный

звукъ отъ женщины можно не иначе, какъ неожиданно хвативши ее коломъ въ бокъ. Новѣйшіе преобразователи исторіи, желающіе радикально измѣнить человѣческое общество и человѣческую натуру, должны бы кажется подумать объ исправленіи этого недостатка; между тѣмъ они думаютъ о прямо-противоположномъ, они внушаютъ женщинамъ новое притворство, новую фальшивую роль: они хотятъ, чтобы женщины—подражали мужчинамъ.

Если бы женскій вопросъ истекалъ изъ какихъ-нибудь женскихъ потребностей, если бы онъ былъ дѣломъ самихъ женщинъ, мы бы весьма охотно съ нимъ помирились, простили бы ему всѣ крайности. Къ несчастію дѣло идетъ иначе; женскій вопросъ выдуманъ мужчинами, и женщины схватились за него, какъ онѣ хватаются за все, чѣмъ надѣются привлечь вниманіе мужчинъ. Женщины вдругъ почувствовали то, чего онѣ никогда не чувствовали; онѣ почувствовали жажду къ наукамъ, какъ будто науки въ первый разъ явились имъ, а до тѣхъ поръ существовали не въ кабинетахъ ихъ мужей и братьевъ, а гдѣ-нибудь за тридцать земель. Вдругъ женщины стали мечтать о политическихъ правахъ, какъ будто до сихъ поръ онѣ и понятія не имѣли о томъ, что есть на свѣтѣ политическія права. Исторія вовсе не представляетъ намъ примѣровъ стремленія женщинъ къ политическимъ правамъ; это стремленіе выдумано современными мужчинами.

И однако же мы вовсе ничего не имѣемъ противъ развитія законодательства въ смыслѣ уравненія правъ половъ; насъ возмущаетъ только фальшивый видъ всего дѣла, преувеличенное значеніе, приписанное одной его сторонѣ, и нелѣпый скептицизмъ относительно самыхъ простыхъ вещей.

Въ одномъ мѣстѣ Милль самъ сознается, что если бы женщинамъ даны были всевозможныя политическія права, то для большинства женщинъ эти права оказались бы совершенно не нужными, совершенно лишними. Вотъ это прекрасное мѣсто:

„Женщина, *выходя замужъ*, собственно говоря уже *выбираетъ себя родъ занятій*, точно также, какъ мужчина, выбирающій профессию: о ней можно сказать, что она посвящаетъ себя веденію хозяйства, воспитанію дѣтей, какъ специальности, на столько лѣтъ своей жизни, сколько потребуется на это дѣло, и потому отказывается на это время не отъ всякихъ занятій вообще, но отъ занятій, помѣшавшихъ бы ей въ исполненіи избранныхъ ею обязанностей. Постоянныя, систематическія занятія внѣ дома при такомъ взглядѣ *сами собою*, безъ посторонняго вмѣшательства *не входили*

бы въ программу большинства замужнихъ женщинъ. Но слѣдовало бы предоставить всевозможный просторъ примѣненію общихъ правилъ къ личнымъ особенностямъ, и не должно бы быть никакой помѣхи, препятствующей женщинѣ, которую способности ея исключительно влекутъ къ тому или другому роду занятій, слѣдовать своему призванію не смотря на бракъ, при чемъ всегда найдется способъ какъ нибудь иначе уладить неудобства, которыя неизбежно вкрадутся въ семью и въ хозяйство вслѣдствіе неполнаго исполненія ею простыхъ обязанностей хозяйки и матери семейства. Всѣ эти вопросы, если бы только общественное мнѣніе взглянуло на нихъ какъ слѣдуетъ, можно бы безъ малѣйшей опасности предоставить собственному рѣшенію заинтересованныхъ лицъ, безъ всякаго вмѣшательства закона". (Стр. 120 и 121).

И такъ, для большинства замужнихъ женщинъ — невозможно посвящать себя другимъ дѣламъ, кромѣ *простыхъ обязанностей хозяйки и матери семейства*. Но найдутся женщины съ особенными способностями, съ особеннымъ призваніемъ къ дѣламъ менѣе простымъ; тогда возникнутъ *неудобства и неполное исполненіе семейныхъ обязанностей*, но Милль увѣряетъ, что будто бы тутъ нѣтъ даже малѣйшей опасности, что и тутъ нужно держать правила *laissez faire, laissez passer*.

Въ другихъ мѣстахъ Милль еще яснѣе показываетъ, для кого онъ собственно хлопочетъ.

„Женщины, говоритъ онъ, на которыхъ лежитъ забота о семействѣ, покуда заботы эти не сняты съ нихъ, имѣютъ *хотя* этотъ исходъ своимъ способностямъ и дѣятельности, и онъ *вообще* *оказывается достаточнымъ*. Но что же скажемъ мы о *постоянно возрастающемъ числѣ женщинъ, не имѣвшихъ случая исполнить призваніе*, которое, точно въ насмѣшку увѣряютъ ихъ, исключительно прилично имъ? Что скажемъ мы о женщинахъ, потерявшихъ дѣтей черезъ смерть или разлуку, или дѣти которыхъ выросли, переженились и повышли замужъ и обзавелись собственнымъ хозяйствомъ?“ (стр. 248).

И такъ старыя дѣвы и пристроившія всѣхъ дѣтей своихъ старухи — вотъ тѣ лица, для которыхъ необходимы политическія права. Число старыхъ дѣвъ по увѣренію Милля *постоянно возрастаетъ*, и кажется для нихъ-то главнымъ образомъ и подымается женскій вопросъ. Говоря о томъ, что конечно молоденькія женщины не годятся въ члены парламента, Милль дѣлаетъ слѣдующее весьма опредѣленное замѣчаніе.

„Здравый смысл говорить, что еслибы подобныя должности стали бы ввѣрять женщинамъ, то только тѣмъ изъ нихъ, которыя бы оказались *безъ особеннаго призванія къ супружеству* или предпочли бы другое употребленіе своихъ способностей (вѣдь и теперь много *женщинъ, предпочитающихъ браку любое изъ тѣхъ немногихъ почетныхъ занятій*, отъ которыхъ онѣ не исключены), и потому посвятили бы большую часть своей молодости стараніямъ подготовить себя къ занятіямъ, которымъ онѣ намѣрены посвящать свою жизнь; или еще чаще, по всей вѣроятности, — *вдовамъ и женамъ мѣтъ подь сорокъ, подь пятьдесятъ*, которымъ знаніе жизни и умѣнье управлять, прибрѣтенное въ семействѣ, при помощи нужныхъ научныхъ занятій могли бы весьма пригодиться въ менѣе тѣсной сферѣ.“ (стр. 251).

И такъ вотъ кого мы увидимъ въ парламентѣ. Это будутъ тѣ немногія пятидесятилѣтнія старухи, которыя сохранили свои силы не смотря на семейныя заботы; да кромѣ того это будутъ тѣ интересныя дѣвицы, которыя не имѣютъ *особеннаго призванія къ браку*, или предпочитаютъ супружеству другія занятія, вѣроятно важущіяся имъ болѣе *почетными*. Милль точно радуется, что такихъ дѣвицъ становится все больше и больше; онѣ составляютъ конечно главный предметъ его заботъ.

Вотъ гдѣ было бы совершенно кстати вспомнить *науку объ образованіи характера*. Не объяснила ли бы намъ хоть эта наука, какъ являются женщины, не чувствующія склонности къ браку, и какаго свойства бываютъ эти женщины?

Общій выводъ совершенно ясный: для общественныхъ дѣлъ требуется женщина *безполая*, то есть или такая, которая не имѣетъ пола отъ рожденія, или такая, которая перешла уже за предѣлы полового возраста. *Безполость* достигается еще однимъ средствомъ, весьма извѣстнымъ въ исторіи женщинъ, игравшихъ политическія роли; обыкновенно такія женщины, отвергая бракъ, отвергаютъ вмѣстѣ и любовь и стыдливость; онѣ становятся развратными не въ силу похотливости, какъ обыкновенныя испорченныя женщины, а въ силу равнодушія къ чисто женскимъ стремленіямъ, въ силу уклоненія отъ пути женской природы.

И такъ женскій вопросъ имѣетъ главнѣйшую важность и силу для безполыхъ женщинъ; развитіе женскаго вопроса стремится къ распространенію безполости между женщинами. Что же хорошаго во всемъ этомъ? Не есть ли это крайняя уродливость, о которой невозможно говорить безъ отвращенія? Застарѣлая дѣва,

или женщина распущенных нравовъ—вотъ одинъ изъ результатовъ, къ которому необходимо привести эксперименты, предлагаемые Миллемъ. Пусть женщинамъ будутъ открыты всевозможныя поприща; что же изъ этого выйдетъ? Можетъ быть явится изъ женщинъ нѣсколько порядочныхъ солдатъ, нѣсколько недурныхъ членовъ парламента. Великъ ли отъ этого будетъ выпрышекъ для челоуѣчества? А какое извращеніе истинной женской природы, какой опасный примѣръ!

Съ яснымъ духомъ и спокойною совѣстію Милль совѣтуетъ зачеренуть всѣ наши понятія о женскомъ идеалѣ, забыть все то, въ чемъ мы полагаемъ красоту и достоинство женской жизни, выбросить изъ головы всѣ цѣли и стремленія, опредѣляющія собою житейское поприще женщины, и — начать все съзнова. Еслибы подобная нравственная анархія была возможна, еслибы женщины вдругъ могли забыть свой полъ и пуститься въ свое жизненное поприще, не отличая себя отъ мужчинъ, не имѣя никакихъ чисто-женскихъ цѣлей, то отсюда произошли бы для женщинъ величайшія затрудненія и опасности. Эту опасную сторону женскаго вопроса напрасно упускаютъ изъ виду,—и нравственная опасность, по нашему мнѣнію тѣмъ страшнѣе, что она менѣе бросается въ глаза, а между тѣмъ существуетъ столь же реально, какъ матеріальная.

Не думаемъ, чтобы когда-нибудь на женщинъ была возложена рекрутская повинность. Самымъ яркимъ завоевателямъ, которые забирали въ войска всѣхъ мужчинъ своего народа, пригодныхъ для войны, никогда не приходило въ голову усилить свое войско хоть однимъ отрядомъ женщинъ. Но гораздо возможнѣе — ввести женщинъ въ экономическую борьбу, поставить ихъ въ ряды самостоятельныхъ трудящихся, непрерывно воюющихъ за средства и удобства существованія. Еслибы это могло произойти въ большихъ размѣрахъ, то результатъ вышелъ бы самый плачевный. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ свободной конкуренціи труда мужчины задавили бы женщинъ, имѣли бы надъ ними постоянное и громадное превосходство, и слѣдовательно заставили бы ихъ влечать весьма жалкое существованіе. Наконецъ въ нравственномъ отношеніи опасность никакъ не менѣе. Женщина, отказавшаяся отъ идеала жены и матерн, возмечтавшая о *болѣе почетныхъ* занятіяхъ (какъ будто есть на свѣтѣ званіе болѣе почетное, чѣмъ, напримеръ, *мать*!), такая женщина легче всякой другой испортитъ свою судьбу, доведетъ себя до какого-нибудь нравственнаго уродства,

котораго пожалуй не только не будетъ замѣчать, но которымъ будетъ даже хвалиться!

Горе тѣмъ, которые потеряли руководящій нравственный идеаль! Промышленность, трудъ, политическія права, государственныя дѣла — все это вещи прекрасныя; но есть нѣчто, что стоитъ и должно стоять выше всего этого. Мы, русскіе, всегда это понимали, никогда не ставили красоту и достоинство человѣческой жизни въ тѣхъ вещахъ, въ которыхъ они вполне заключаться не могутъ. Идеаль жизни для насъ всегда стоялъ выше.

Общество должно свято хранить женскій идеаль и давать всякій просторъ его раскрытію и его осуществленію. Но это дѣлается не столько законами и правами, сколько тѣмъ духомъ, въ которомъ заключается внутренняя сила общества.

Что же касается до правъ и привилегій, то нельзя не пожелать отъ души, чтобы женщинамъ были открыты всевозможныя поприща. Но для чего мы желаемъ этого? Это нужно, по нашему мнѣнію, на случай несчастія, на случай неудачи въ жизненномъ пути, на тотъ случай, когда женщинѣ нуженъ какой-нибудь исходъ изъ бѣдственнаго положенія. Жизнь человѣческая полна несчастій. Дѣвушка не нашла себѣ супруга, жена потеряла мужа, мать дѣтей. Прежде въ такихъ случаяхъ часто шли въ монастырь; нынче Милль предлагаетъ поступить въ солдаты или добиваться мѣста въ парламентѣ. Что же? Когда некуда себя дѣвать, когда жизнь разбита — казарма и парламентъ тоже годятся для того, чтобы какъ нибудь скоротать свой вѣкъ.

И такъ на случай крайности, въ видѣ исключенія, въ видѣ неизбежнаго зла — можно и женщинамъ вступать на неженскія поприща. Но видѣть въ этомъ что-либо желательное, и всячески толкать женщинъ на несвойственные имъ пути — было бы нелѣпо и вредно. Нынче всѣ помѣшались на счастья и думаютъ, что при всевозможныхъ случайностяхъ можно устроить для человѣка счастливую жизнь. Намъ кажется это невозможнымъ и мы думаемъ, что права и привилегіи нужны именно для несчастныхъ женщинъ, и притомъ, не для уничтоженія, а только для облегченія ихъ несчастія.

VI.

Женскій вопросъ — одинъ изъ самыхъ интересныхъ и простыхъ примѣровъ вліянія на насъ Европы. Подчиняясь авторитету За-
Ж. Заря. кн. 2. Отд. II. 1870. 10

пада, постоянно обращаясь къ нему, какъ къ источнику просвѣщенія и умственнаго развитія, мы и въ женскомъ вопросѣ идемъ по его слѣдамъ. Что же онъ даетъ намъ? Въмѣсто *идеала женщины*, вмѣсто представленія того, въ чемъ должна состоять красота женской души и достоинство женской жизни, Европа насылаетъ на насъ только тѣ болѣзненные стремленія, которыми сама страдаетъ. Недавно, преимущественно со стороны Франціи, къ намъ приходило и прививалось учение о такъ-называемой *реабилитации плоти*, о свободѣ связей между мужчинами и женщинами. Мы преклонялись передъ *Лукреціей Флориани*, женщиной, до такой степени холодной и въ тоже время исполненной страстныхъ порывовъ, что она ни одного мужчину не любила *болѣе восьми дней* (такъ она сама признавалась, увѣряя, что затѣмъ она уже поддерживала связь безъ любви), и въ тоже время едва ли болѣе восьми дней провела безъ какого-нибудь мужчины. Мы русскіе очень снисходительны въ этомъ случаѣ; мы не особенно караемъ и преслѣдуемъ нашихъ Магдалинъ, но и не возводимъ ихъ въ героини и святые. Нужна была католическая крайность, католическое преувелчленіе презрѣнія къ плоти, чтобы вызвать въ видѣ реакціи ту распущенность понятій, которая нѣкогда разумѣлась подъ эманципаціею женщинъ. А мы принялись впитывать въ себя эту распущенность, какъ будто и безъ того въ нашей жизни было мало всякаго рода безобразій.

Нынѣ другое явленіе; изъ Англій и изъ Америки къ намъ прививается — политическое властолюбіе, заразившее тамъ женщинъ. Мужчины тамъ такъ властолюбивы, что нѣкогда лишили женщину всякихъ правъ; теперь же свою страсть къ власти они внушаютъ своимъ женамъ и сестрамъ. Подобное явленіе весьма естественно на Западѣ, гдѣ права имѣютъ такое высокое значеніе, гдѣ естественная реакція должна была вызвать со стороны женщинъ требованіе правъ. Но какой смыслъ имѣетъ это у насъ? Къ нашему счастью или несчастью мы ставимъ право не высоко, мы легко отъ него отрекаемся; мы никогда особенно не притѣсняли нашихъ женъ и сестеръ; и вдругъ поднимается протестъ противъ какого-то мнимаго зла въ общественномъ устройствѣ. Наше общество пока таково, что немного правъ принадлежитъ мужчинамъ, немногіе умѣютъ ихъ цѣнить и пользоваться ими, очень часто падаетъ безправіе и беззаконіе; и что же? Вдругъ оказывается, что зло будто бы заключается не въ общемъ порядкѣ вещей, которому одинаково подчинены мужчины и женщины, а въ томъ

будто-бы, что мужчины стоятъ за свое первенство и не хотятъ уступить мѣста женщинамъ. Не странно-ли подобное извращеніе дѣла? Не значить-ли это — драться изъ за медвѣжьей шкуры прежде чѣмъ убить медвѣдь?

Такимъ образомъ все, что приносить къ намъ Западъ по женскому вопросу, и весьма мало касается нашей жизни, мало идетъ къ ней, и въ тоже время отличается явной односторонностію, явнымъ отсутствіемъ какого-нибудь цѣльнаго взгляда на дѣло. Западъ очевидно не имѣетъ яснаго идеала женщины; онъ его утрачиваетъ или забываетъ, и русская женщина, если не имѣетъ своего собственнаго идеала, не найдетъ для себя руководства передовыхъ европейскихъ писателей.

Читатели насъ простятъ, если мы не говорили здѣсь о самыхъ важныхъ и интересныхъ сторонахъ женскаго вопроса, объ отношеніяхъ женщины къ мужчинамъ, о дѣтяхъ, семьѣ и пр. Книжка Милля, какъ мы видѣли, не касается этихъ важныхъ предметовъ и имѣетъ центръ тяжести въ вопросѣ о правѣ. Вотъ самое лучшее доказательство односторонности и неполноты, съ которою трактуется все дѣло. Говоря о правахъ и обязанностяхъ жены и мужа, Милль вовсе не думаетъ о той связи, которая существуетъ между этими лицами, какъ женой и мужемъ, а рассматриваетъ бракъ какъ всякое другое *товарищество*.

„Личная ассоціація, говоритъ онъ, помимо брака чаще всего встрѣчается въ видѣ товарищества по торговымъ дѣламъ, и никто до сихъ поръ не ощущалъ надобности въ законѣ, постановляющемъ, чтобы въ каждомъ такомъ товариществѣ одинъ изъ членовъ фирмы пользовался полной властью во всѣхъ дѣлахъ, а другіе были обязаны повиноваться ему“.

„Законъ никогда ничего подобнаго не дѣлалъ, и опытъ вовсе не доказываетъ необходимости существованія какой-то теоретической неравноправности между членами одной фирмы, или другихъ условій товарищества, кромѣ условій, *которыми сами товарищи свяжутъ себя по контракту*. Между гѣмъ исключительная власть въ этомъ случаѣ была бы менѣе опасна для правъ и интересовъ подчиненнаго, чѣмъ въ *брачномъ товариществѣ*, потому что члены торговой фирмы все-таки сохранили бы право свободнаго выхода изъ ассоціаціи; жена же этого права не имѣетъ“.

(Стр. 96, 97).

Вотъ та точка зрѣнія, съ которой Милль смотритъ на бракъ; онъ удивляется, что *брачное товарищество* не рассматривается

закономъ какъ всякое другое товарищество; онъ больше всего заботится о власти и желаетъ, чтобы люди и въ бракѣ также ревниво ее оберегали, какъ и въ торговыхъ ассоціаціяхъ.

О любви и супружеской вѣжности Милль ничего не говоритъ, какъ будто это предметъ вовсе посторонній для женскаго вопроса, какъ будто это одно изъ случайныхъ или искусственныхъ условій современнаго быта, испорченнаго исторіею. Вотъ гдѣ глубочайшая ошибка. Легко было бы однакоже усмотрѣть, что не будь половыхъ различій и половыхъ отношеній между женщинами и мужчинами, не было бы вовсе и женскаго вопроса. Если бы для женщины не было наилучшимъ условіемъ правильной жизни—связать себя навсегда съ однимъ мужчиной, а для мужчины съ одною женщиною, тогда конечно законъ не имѣлъ бы никакого повода разсматривать *брачное товарищество* иначе, чѣмъ всякое другое. Тогда вопросъ о власти между супругами не имѣлъ бы никакого смысла, и тысячи затрудненій, возникающихъ изъ сущности брака вовсе не существовали бы. Современные мыслители очень хлопочуть о томъ, чтобы уничтожить эти затрудненія, но кажется эти хлопоты сводятся у нихъ въ одному, весьма простому соображенію: если уничтожить бракъ, то уничтожатся и всѣ его затрудненія.

Такъ врачи, не умѣя вылечить больной руки или ноги, отрѣзываютъ эту руку или ногу. Не нужно однакоже забывать, что подобныя средства представляютъ только выборъ болѣе легкаго изъ двухъ тяжкихъ золъ и что есть предѣлъ такому выбору: нельзя отрѣзать большую голову; а выкинуть бракъ изъ жизни людей по нашему мнѣнію тоже, что отрѣзать голову человѣку, у котораго она ранена или заражена.

Несправедливо Милль говорить, что положеніе женщины опредѣлилось двумя факторами: властолюбіемъ мужчинъ и перевѣсомъ на ихъ сторонѣ физической силы. Существенный факторъ, опредѣлявшій и имѣющій опредѣлять это положеніе есть польза женщины. Взаимное вліяніе мужчины и женщины зависѣло главнымъ образомъ отъ того, что они смотрѣли другъ на друга, какъ на существа разнаго пола; существенный интересъ для той и для другой стороны заключался въ этомъ ихъ отношеніи. Мужчина подчинялся требованіямъ, которыя дѣлала женщина, желавшая отъ него извѣстныхъ качествъ, какъ отъ жениха, возлюбленнаго, мужа, отца своихъ дѣтей. Женщина развивалась подъ вліяніемъ идеала, который мужчина составлялъ себѣ о невѣстѣ, любовницѣ,

женѣ, матери. Несправедливо и нелѣпо говорить, что мужчины при этомъ думали только о власти; есть вещи гораздо слаще власти, есть въ человѣкѣ стремленія болѣе высокія и никогда не заглушающіяся. Человѣчество засвидѣтельствовало, что оно гораздо лучше, чѣмъ о немъ думаетъ Милль. Чистота дѣвы, любовь жены, чувства матери — составляютъ предметъ благоговѣнія мужчины, передъ которымъ они преклоняются и который охраняютъ часто гораздо ревностнѣе, чѣмъ всякую власть и всякій законъ.

Отношенія между полами, эти таинственныя и многозначительныя отношенія, — источникъ величайшаго счастья и величайшихъ страданій, воплощеніе всякой прелести и всякой гнусности, настоящій узелъ жизни, отъ котораго существенно зависитъ ея красота и ея безобразіе, — эти отношенія уцѣлены изъ виду Миллемъ и не внесены имъ въ женскій вопросъ. Это значитъ — философъ выпустилъ изъ разсматриваемаго явленія самую существенную его сторону, и думалъ однакоже понять и объяснить явленіе.

Не въ правѣ ли мы послѣ этого сказать, что женскій вопросъ послѣ всѣхъ подобныхъ толковъ остается столь же загадочнымъ и неисчерпаннымъ, какъ и прежде? Всѣ разсужденія Милля ходятъ только вокругъ да около; его скептицизмъ и неправильныя попытки приложенія экспериментальнаго метода всего больше и яснѣе свидѣтельствуютъ объ одномъ — о слѣпотѣ къ самымъ яснымъ явленіямъ, о глухотѣ къ самымъ громкимъ требованіямъ человѣческой природы. Женскій вопросъ, такъ какъ понимаетъ его Милль, вытекаетъ не изъ сущности отношеній между женщинами и мужчинами, а изъ источниковъ совершенно постороннихъ. И слѣдовательно мы въ правѣ сказать, что этотъ вопросъ есть плодъ непониманія дѣла, а вовсе не какаго-либо слишкомъ глубокаго проникновенія въ него.

Н. СТРАХОВЪ.

1870.

11 февраля.

